

Ирина Енчи

... Принеси то — не
знаю что

ВТОРАЯ КНИГА ИЗ ЦИКЛА "РЫКАРИ"

Ирина Енц

... Принеси то - не знаю что.

«Автор»

2026

Енц И. Ю.

... Принеси то - не знаю что. / И. Ю. Енц — «Автор», 2026

Иногда память – единственное, что удерживает человечество от гибели. Две сестры, Зойка и Василиса, сталкиваются с организацией, которая крадёт память. За спинами Отступников скрывается могущественный Держатель Забвения. Его цель – навсегда закрыть Двери Памяти, чтобы оторвать людей от собственных корней. Сёстры вступают в игру, правила которой придуманы задолго до их рождения. Но чтобы победить врага, придётся вспомнить то, что было забыто. Потому что иногда, чтобы спасти тех, кого любишь, нужно отправиться туда — не знаю куда, чтобы принести то — не знаю что.

© Енц И. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	35
Глава 6	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ирина Енц

... Принеси то - не знаю что.

Пролог

Ветер накатывал порывами, завывая голодным зверем. Остатки пожухлых листьев неслись по мостовой, прилипая к стоявшим на обочине машинам. Город казался каким-то заброшенным. Редкие пешеходы, плотнее запахивая свои пальто и куртки, торопливо пробегали мимо неё, чтобы уже в следующее мгновение нырнуть в арку подворотни или забраться в тёплое нутро своего автомобиля. Оранжеватый свет фонарей отражался празднично в замерзающих по кромкам лужицах и совсем не вписывался своей радостной окраской в мрачное настроение, которое в последнее время всё чаще и чаще овладевало ею. Даже казалось, что это её настроение передавалось съёжившемуся от пронзительных порывов студёного ветра замершему городу. Такое же тоскливое и какое-то безнадёжное.

Год прошёл с того самого времени, когда... Она отмахнулась от этих мыслей. Пора уже было и забыть. Она всё делала для этого. Перестала ездить к сестре в деревню, чтобы избежать своих и её вопросов и объяснений того, что не поддавалось никакому рациональному мышлению. Это выбивало из привычной колеи, и она решила, что просто не будет об этом думать. Иногда, когда она погружалась в кучу цифр и статистических измерений на работе, ей это удавалось. Цифры стали её спасением. Наверное, поэтому отношения с мужем изменились.

Она, поплотнее запахнув на груди пальто и не сдержавшись, фыркнула. Отношения! Какие уж тут отношения! Да и Славик изменился. Из простого, светлого и радостного парня превратился как-то очень незаметно в угрюмого, бурчаливого, всем недовольного мужика с подозрительным прищуром. Горькая улыбка исказила красивую чёткую линию губ. Наверное, в этом есть и её вина. Не уберегла, не досмотрела... Но осознавать это было тягостно. Как тягостно было встречать его непонимающий, хмурый взгляд и не осмелиться всё объяснить, растолковать. А что она могла растолковать? То, чего и сама не понимала до конца?!

Погружённая в свои мысли, она вздрогнула, когда почти прямо над головой раздался звук колокола. Церковь. Ну, конечно. Звонят к вечерней службе. Она притормозила на несколько мгновений. Может, зайти? И тут же чья-то рука вцепилась в край её пальто, и гнусавый дребезжащий голос затянул:

— Подайте убогому копеечку...

Это было так неожиданно, что она шарахнулась в сторону. Но старческая рука оказалась на удивление сильной и цепкой. У самого церковного забора сидел старик. Включенная седая бородёнка, торчащая веником, сдвинутая по самые брови какая-то изрядно потрёпанная шапка. На ногах не то старые калоши, не то обрезанные валенки, перетянутые крест-накрест верёвкой.

Чтобы как-то отцепиться от попрошайки, она полезла в сумочку. Достала сотенную купюру и сунула старику в грязную ладонь, которую он протягивал ей. Старик мигом сжал кулак, в котором исчезла сотенная, но пальцев, вцепившихся в край пальто, так и не разжал. Забормотал невнятно, оглядываясь по сторонам:

— Разбудили, разворошили... Теперь прячьтесь, скоро начнётся... Они услышали, они придут... — Он вдруг захихикал и погрозил ей грязным заскорузлым пальцем. — Передай сестре наказ матушки Прасковьи: затаитесь, словно мыши под печкой, и носа не кажите.

Она захлопала на него в изумлении ресницами, совсем позабыв, что нужно высвободить край пальто из рук наглого попрошайки. И только тогда заметила, как из-под рваненького малахая на неё пристально смотрят совсем не старческие глаза. Пожалуй, это её поразило даже

больше, чем слова, сказанные нищим. Она стояла, чуть не открыв рот от изумления, и слишком поздно заметила, как, широко шагая через двор, к ним направляется служка, одетый в чёрную рясу.

Но старик (?) его, кажется, заметил раньше. Он тут же захихикал мерзким голосом, а потом загнусавил:

— Копеечку убогому пожалела... У-у-у... аспидова сила тебе под ноги... А Николенька бы за ту копейку хлеба бы купил... Дай копейку... Дай! Дай!

В это время служка подошёл близко к попрошайке и строго прикрикнул:

— Ты почто к прихожанам пристаёшь?! Не было такого договору! А ну, пошёл прочь! Ступай вон, на задний двор, там похлёбку раздают! — И он вырвал полу многострадального пальто из цепких грязных пальцев. А потом обратился совсем другим, мягким голосом к ней: — Что, напужал, матушка? Вы не бойтесь. Так-то он безобидный. Не знаю, что на него нашло...

Она, с трудом совладав со своим лицом, пробормотала торопливо, пряча взгляд:

— Ничего, ничего...

Сделала шаг в сторону, собираясь уйти, а потом вдруг спросила:

— А он кто?

Служка пожал плечами.

— Да никто. Убогий. Прибился недавно. Все Колькой-дурачком кличут. — И, словно спохватившись, спросил: — А вам почто?

Она испуганно замотала головой и невнятно пробормотала:

— Нет... Просто спросила. Жалко.

Торопливо направилась дальше по тротуару и, уже собираясь повернуть за угол, оглянулась. Служка стоял на прежнем месте и пристально смотрел ей вслед. Порывы холодного ветра трепали чёрную рясу, делая похожим его на громадного ворона, собирающегося взлететь.

Глава 1

Директор выполнил своё обещание, и даже больше. Весной в лесничество прибыло «подкрепление» — двое парнишек, только что окончивших техникум. Самый молодой из этой парочки — Павел, или попросту Пашка, как он велел себя называть. На моё замечание, что не пристало «начальство» именовать «просто Пашкой», застенчиво улыбнулся и почему-то покраснел. Судя по его огненно-рыжим волосам и конопатому по-детски носу, краснел он почти мгновенно от самых невинных вещей. Был невысок ростом и шупл, как подросток. Я про себя только вздохнула. Как-то он с моими мужиками поладит? Против них он был словно моська против матёрого волка. Но я своих знала. Они не обидят, будут всячески опекать и беречь парнишку. Хотя в этом-то и крылась опасность. Как известно, кадры «куются», а что заковка, если тебя всегда будут по головке гладить?

Второй был поладнее, да и постарше. Звали его Александр. Он уже отслужил в армии. Был высок, широк в плечах. Красавцем его было трудно назвать, но чувствовалась в нём какая-то скрытая сила и упрямство. Тёмно-русые волосы, зачёсанные небрежно набок, карие серьёзные глаза смотрели внимательно и изучающе. Вот этого, пожалуй, можно было «запускать в клетку». По крайней мере, попробовать стоило.

Я про себя хмыкнула. Да уж... «Специалисты», блин! За обоими глаз да глаз нужен. За одним смотреть, чтобы не пришибли ненароком, а за вторым — чтобы сам кого не пришиб.

Но выбирать мне не приходилось. Как говорится, что поставили, то и ешьте. Главное — не обляпайтесь.

Роли распределила очень просто: Пашку поставила помощником лесничего. Работа была больше связана с бумажной волокитой, которую я, честно признаться, терпеть не могла. А вот Александра решила определить мастером. На несколько мгновений губы искривила горькая ироничная усмешка, вызванная непрошеными воспоминаниями. Последний мастер... В общем, не особо с ним сложилось. Оказалось, что Максим был предан моим врагам (были и такие) и послан был сюда не без коварного умысла. После прошлогодних событий он пропал, о чём я не особо и жалела.

Ребята были почти из местных. Нет, не из Рыкарёво, конечно, как называлась наша деревня. Из другой, расположенной где-то «по соседству», не больше ста километров, это если напрямки по тайге. Но то, что парни были не городской закваски, обнадёживало: не удерут из нашей глуши в первые полгода.

В общем, на работе всё шло своим чередом. А вот остальное... Впрочем, не было у меня ничего остального. После прошлогодних событий я долго не могла прийти в себя. Конечно... Если бы кому рассказать из непосвящённых о том, что тогда произошло, то меня бы наверняка отправили в психушку. Но это ещё было полбеды. Поспать вдосталь пару недель я бы даже не отказалась. Но дело было в другом. Вся моя жизнь резко изменилась. Путешествие в прошлое за грань нашей реальности — это вам не фунт изюма.

Обнаружилось, что мы с двоюродной сестрицей принадлежали к древнему роду рыкарей, воинов-волков. Правда, их способности не передавались по женской линии, и нам не пришлось узнать все тайны перевоплощения (кстати, я была не вполне уверена, что физически такое перевоплощение вообще было возможно. Скорее, это было скрыто в особенностях разума и крови нашего Рода). Оказалось, что в далёкие времена от Рода рыкарей отделились те, кто хотел этими своими способностями зарабатывать блага здесь и сейчас. И для них все эти разговоры про память предков и сохранение Рода были простой болтовнёй. Что поделаться, в семье не без урода. Их называли отступниками. Так вот, наш общий с Зойкой прадед помимо того, что был рыкарём, ещё был и кузнецом. И не просто кузнецом, а, как его называли, Великим Кузнецом, умеющим переносить силу и знания Рода на металл посредством своего искусства.

Короче, эти самые отступники пронюхали, что прадед оставил нам с Зойкой в наследство эти записи, и решили ими завладеть. Вот тут-то всё и началось. Скажу честно, было страшно. Но мы сумели всё это преодолеть. В итоге отступники остались с носом, и не только. Охоту соваться в наши дела мы отбили у них, хотелось бы верить, что надолго. Только вот после тех событий и для нас всё изменилось. И справиться с этим мы были должны уже сами.

Зойка решила уехать и не возвращаться больше в Рыкарёво, в старый дом на краю леса, построенный ещё нашим прадедом. Она надеялась таким способом отгородиться от всех воспоминаний. Объяснять сестре, что от себя уехать невозможно, я не стала. Она должна была это понять сама.

Старая знахарка Прасковья, которая оказалась не только знахаркой, но и хранительницей грани реальности, после тех памятных событий пропала. Спалила свой дом и ушла в неизвестном направлении. Кстати, прадедовский сундук со всеми его «записями» так и остался у неё. Забрала ли она его с собой? Вряд ли. Думаю, она спрятала его в надёжном месте, известном только ей самой. Зачем она это сделала? Вот тут и была та самая загадка, которая время от времени будоражила мои мысли. Но ответа на этот вопрос не было ни у меня, ни у её внука Венямина, который работал в лесничестве, ни у её сына Ефима, который исчез вслед за матерью. И вот исчезновение последнего вызывало у меня намного больше эмоций, чем исчезновение его загадочной матери.

Не могла сказать, что очень хорошо знала Ефима. На это у меня просто не было времени. Но между нами возникло очень сильное чувство, которое трудно описать словами. Мы понимали друг друга без слов, словно были с ним частями одного целого. Я честно старалась это забыть, пережить, но... Получалось хреново.

После всего этого я стала жить как бы две параллельные жизни. И временами не могла сказать определённо, какая из этих двух настоящая. Днём — обычная работа, какие-то домашние хлопоты, а ночью... Ночью начинались мои путешествия в другую реальность. В прошлое. Я видела странные сны. Странные, если мягко говорить. Но для меня они стали такой же реальностью, как и вся дневная жизнь. Иногда во сне я продолжала слышать протяжный волчий вой и видеть синие пронзительные глаза Ефима, которые будто силились мне что-то сказать. Пробуждение после таких снов было трудным, почти болезненным. Но шло время, и ничего не менялось. Нужно было привыкать к этой новой мятущейся жизни. Я старалась. Честно. Но пока у меня получалось совсем плохо. Это как боль, к которой привыкаешь и живёшь с ней дальше, уже позабыв, что значит жить без неё.

Огромный кот дымчатой масти с дурацкой кличкой Агроном подошёл к моим ногам и тихо мяукнул. Кот мне вместе с домом достался в наследство от бабушки и, наверное, поэтому чувствовал себя здесь большим хозяином, чем я. Я тяжело вздохнула.

— И чего тебе на сей раз от меня надо, чудо ты моё лохматое?

Агроном опять тихо мяукнул и ловко запрыгнул на буфет. Я только головой покачала.

— Ну ты и наглец...

Но к буфету подошла и достала небольшой пакетик с кошачьей едой. К подобному баловству кота я не приучала. Это были происки сестрицы. Когда она была в прошлом году, то решила, что эта новомодная забава приблизит животное к цивилизации, и закупила сразу целый мешок. Приволокла эту гадость из района и посадила Агронома на этот кошачий «наркотик». И теперь, если я раз в день не давала ему этой, с позволения сказать, пищи, Агроном устраивал такую истерику, что впору было бежать из дома.

Я достала пакетик, встрясла содержимое в миску и несколько минут наблюдала за тем, как этот шантажист жадно поедает корм. Не иначе у меня были проблемы с головой, потому как вид обедающего кота навёл на меня философскую хандру. Раньше как-то коты обходились без этого. Ели мышей, пили молоко, и все были счастливы. А вот теперь волна цивилизации докатилась и до нашей глуши, и мыши пошли побоку.

Почему-то вид счастливого кота произвёл на меня какое-то тоскливое впечатление. Меня вдруг неудержимо потянуло в лес. Конечно, если по-нормальному, то «тянуть» не нужно было особо далеко. Лес вот он, стоял стеной прямо за огородом. Но меня потянуло не просто в какой-то абстрактный лес за огородом. Мне хотелось опять оказаться на берегу ТОГО озера. Я глянула за окно. Сумерки, густые, осенние, тёмные. Но мне было всё равно. Больше не раздумывая, подхватила карабин, бушлат с гвоздя, натянула ботинки и вышла из дома.

Аргус, моя собака неизвестной, но очень большой и лохматой породы, выбрался из будки и тихонько тявкнул. Это, может, кому другому «просто тявкнул», а для меня это прозвучало примерно так: «Куда это ты, хозяйка, на ночь глядя? Опять приключения на свою пятую точку огребёшь? Только не говори потом, что я не предупреждал». Я усмехнулась и, потрепав верного сторожа по лохматой башке, тихо проговорила:

— Не ворчи... Ничего мне не сделается в лесу. Лучше дом стереги да за Агрономом приглядывай, а то совсем распоясался...

Пёс опять тихонько гавкнул и поплёлся провожать меня до калитки.

Я завела свой узик и понеслась на всех порах к конюшне, надеясь, что Ставр Фёдорович, наш конюх, всё ещё на своём «боевом» посту. Надо сказать, что Ставр был не только конюхом. Ещё он был одним из потомков рыкарей, в честь которых и была названа наша деревня. А ещё... Ещё он был Хранителем Озера Памяти и сыграл немалую роль в прошлогодних событиях, в борьбе с отступниками. Так что... Не всё было так просто в нашей глуши.

Конюшня была открыта. Тусклая лампочка под ржавым колпаком моталась на ветру, расплёскивая жёлтое пятно света по сторонам. Обычно Ставр встречал меня у самых дверей. Но сейчас я не увидела его могучей бородатой фигуры. Я подошла ко входу в конюшню и прислушалась. Слышались фыркание лошадей, какая-то возня и едва слышное бормотание.

Негромко позвала:

— Эй... Живые, кроме лошадей, есть?

Бормотание стало чуть громче, и из глубины конюшни послышался басовитый голос, срывающийся на петушиный юношеский дискант:

— Тут я, тут... Иду...

И вскоре на свет вынырнул долговязый паренёк лет шестнадцати. Я узнала в нём сына Зинаиды, которая заведовала у нас в пекарне. Звали его Антоном. Он не поступил в этом году в техникум на зоотехника и сейчас работал вместе со Ставром в конюшне на должности помощника. Лошади его любили, и на данный момент это было его главным «дипломом».

Увидев меня, он по неведомой мне причине зарделся маковым цветом, что было заметно даже в неярком свете. Опустил голову и стал переминаясь с ноги на ногу. У меня в голове сразу нарисовалась картина: «Холоп перед барыней». Не хватало ещё только картуза, который бы он сдёрнул с головы и мял в руках. Едва удержалась, чтобы не засмеяться. Да ну... Парнишка и так смущается, словно красна девка, а тут я ещё со своим хихиканьем. Скукожив губы куриной гузкой, чтобы не растягивались в улыбке, спросила:

— А где Ставр?

Паренёк поднял на меня голубые, прозрачные, словно родник, глаза и со всей серьёзностью, стараясь говорить солидно и неторопливо, ответил:

— Дак Ставр Фёдорович ещё после обеда ушёл. — И добавил неуверенно, словно оправдываясь за наставника: — Дела у него какие-то срочные. А я что, я со всем моим удовольствием. Мне с лошадами нетрудно управляться. — В его голосе на последней фразе прозвучали какие-то ласкающие нотки, точно он не передо мной отчитывался, а коня по шее гладил.

Я про себя хмыкнула. А что, хорошая смена Ставру будет. Расспрашивать парня, что у Ставра там за дела такие, не стала. Во-первых, он мог и не знать, а во-вторых, даже если бы и знал, то вряд ли сказал. А заставлять парня выкручиваться и чувствовать себя неловко мне не хотелось. Поэтому я просто сказала:

— Запряги мне, пожалуйста, Карьку...

Антон нахмурился и стал на несколько мгновений очень похож на мать. Сомнение прорезалось в его словах, когда он не то спросил, не то просто сказал:

— Куда же это на ночь-то глядя...

Я только посмотрела на него внимательно, чуть приподняв бровь, и парня словно ветром сдуло.

В кармане бушлата у меня завалилось несколько кусочков сахара. Я угостила кобылку. Она захрумкала, косясь на меня. Мне показалось, что в её выразительных глазах был упрёк. Мол, куда ты меня тащишь на ночь глядя? Все лошади как лошади, одна я как... Я достала ещё один кусочек лакомства и тихо прошептала:

— Ну не ворчи, не ворчи... Сначала Аргус дома, теперь — ты.

Карька фыркнула, смахнула тёплыми губами второй кусочек сахара. Я села в седло и тихонько тронула бока лошади пятками. Антон, не удержавшись, прокричал мне вслед:

— Осторожнее там...

Я хмыкнула. И этот туда же, блин! Не оглядываясь, подняла руку, мол, слышу.

Леса я не боялась ни ночного, ни дневного. Для меня это было бы всё равно что бояться ходить ночью по своему дому. Тем более я хорошо знала эти места. К тому же после всех прошлогодних событий у меня обнаружились разные странные способности. Одна из них — я прекрасно стала видеть в темноте. Да и лошадь на дерево в лесу не наткнётся. В общем, направив Карьку на нужную тропу, я смело и без опаски могла предаваться своим мыслям.

На ходу мне всегда думалось лучше. Только была одна проблема: думать особо было не о чем. Вспоминать о том, что прошло? Бесполезное занятие. Из прошлого надо извлекать уроки. А уж из своего прошлого я уже столько «наизвлекалась», что голова не вмещала. Поэтому я просто ехала, вдыхая холодный свежий воздух, пахнувший прелью, наслаждаясь одиночеством.

Лес стоял спокойный, в сонной осенней дрёме. Ветер тихонько шептался о чём-то с деревьями в высоких кронах. Я обратила внимание, что если раньше видела только контуры деревьев в чёрно-сером цвете, то сейчас без особого напряжения видела энергию леса. Слабое тёмно-зелёное свечение с голубоватыми прожилками струилось по стволам снизу, от самых корней, теряясь где-то в густых ветвях над головой. От этого мне казалось, что я еду по какому-то волшебному, заколдованному сонным мороком царству. Время текло неспешно и лениво, и я уже не замечала его движения, погружаясь в синюю до черноты ночную мглу, будто ныряя в глубокий омут.

Очнулась я только тогда, когда мы выехали на небольшой холм, с которого тропа раздваивалась. Карька остановилась на развилке и затрясла головой, чуть слышно бряцая удилами. Правая тропинка вела к тому заветному месту, где большой плоский камень острым языком вдавался в воду озера. Именно там была заветная грань, переступив которую, обратного пути уже не будет никому. Я переступила. И теперь имела то, что имела.

Ох ты, Господи!

Я тряхнула головой, как совсем недавно моя лошадь, стараясь скинуть с себя морок воспоминаний. Сосредоточилась на «здесь и сейчас». Если же поехать налево, то вскоре можно было оказаться возле дома... Ох... Возле того места, где когда-то стоял дом Прасковьи.

Я колебалась не более нескольких секунд. Потянула левый повод, и лошадь послушно стала спускаться с холма вниз.

Не доезжая до места пожарища, я соскочила на землю, привязав Карьку к толстой ветке берёзы. А сама пошла к бывшему дому знахарки. От него не осталось ни одного бревна, только бесформенная груда чёрных углей, через которые уже кое-где пробивались упорные кустики пожухлой травы да стрелки иван-чая с пожелтевшими листочками.

Остановилась у кучи, которая когда-то была домом, и замерла, прислушиваясь к собственным ощущениям.

Зачем я приехала сюда? Для чего? Чтобы пробудить те воспоминания, от которых весь последний год так старательно отгораживалась? Чтобы почувствовать боль, раздирающую сердце?

У меня не было ответа на все эти вопросы.

Я просто стояла молча у пожарища, словно у могилы дорогого человека. Непрошенная слеза обожгла щёку. Я смахнула её ладонью и... разозлилась на себя!

Что я, чёрт возьми, делаю?!

Закрыла глаза и подняла лицо к небу. Длинно выдохнула.

Как соединить несоединимое? Как связать в один жгут две жизни, которые нельзя связать?!

Хорошо было тем, с кем «поработали» отступники тогда. Теперь эти люди просто ничего не помнили. Я бы дорого дала, чтобы тоже ничего не помнить.

Закусила губу и зло рассмеялась.

Звук моего смеха резанул лесную тишину. А мне захотелось закричать, срывая голос, так, чтобы этот мир вздрогнул! Чтобы деревья пробудились и заголосили свистящим воем от порывов могучего ветра, расплёскивая рябь волн по зеркальной глади свинцово-холодного озера.

Позади зафыркала Карька.

Я моментально замерла, напряжённо прислушиваясь к звукам леса.

А вдруг?..

И тут же расслабилась.

Осторожный, едва слышный звук шагов за спиной.

Не оборачиваясь, проговорила, не сумев спрятать горькой усмешки:

— А тебе-то что не спится, Ставр Фёдорович?

Конюх не ответил, сделал шаг, поравнявшись со мной.

Правильно. Чего мне отвечать? Это я ему там, в конюшне, «начальник», да и то... А тут он — Хранитель Озера Памяти, и ему никто не указ. Даже Прасковья, а чего уж про меня говорить!

Несколько мгновений он посмотрел на пепелище и, запустив пятерню в свою седеющую бороду, проворчал себе под нос:

— А избу надо бы поправить. С Веньшей следует потолковать.

У меня вспыхнул огонёк слабой надежды.

Я посмотрела снизу вверх на Ставра и спросила едва слышно, опасаясь, что он почувствует волнение в моём голосе:

— Думаешь, она вернётся?

Он молчал. Я уже думала, что ответа не дождусь, но тут Ставр проговорил так же тихо:

— Не знаю я этого. Да и никто не знает. Сие только самой Прасковье и ведомо.

И тут я поняла по его тону, по лёгкой надрывной нотке, которую сумела разобрать в его словах, что он сам тоскует. Правда, мне думалось, что поводы у нас были несколько разные. И всё-таки...

Я посмотрела внимательнее на стоящего рядом конюха. Спросила, не надеясь на ответ, чувствуя в его молчании и коротких обрывистых фразах какую-то тревожную недосказанность:

— А ты чего сам-то здесь, Ставр Фёдорович? Да ещё в такое время...

Он усмехнулся в бороду, глядя на меня с непонятной грустью. Ответил через несколько секунд:

— Озеро пригляда требует... Да и вообще...

Вот это его «вообще» меня не просто насторожило, а почти напугало. Я слегка напряглась. Развернулась к нему всем телом и задала вопрос чуть жёстче:

— Случилось чего? — И добавила несколько суетливо: — Ты, пожалуйста, от меня не скрывай. — И закончила с лёгким намёком: — Не чужие ведь...

Он продолжал смотреть на сожжённый дом, будто раздумывая, сказать или нет. Потом, будто на что-то решившись, усмехнулся, повторив за мной эхом:

— Не чужие... — И вдруг опять замолчал.

Я потихоньку начала закипать.

Да что же это, в самом-то деле?!

Мне что, слова из него клещами тянуть?!

Всё ещё стараясь сдержаться, произнесла, с трудом не переходя от иронии к язвительности:

— Ставр Фёдорович, ты не в застенках гестапо, а я не эсэсовский палач. Может, скажешь, в чём дело? Опять отступники какую пакость затевают?

Ставр презрительно фыркнул.

— Отступники... Да они после того до сих пор, поди, опомниться не могут. — Потом вдруг резко повернулся ко мне и проговорил, чуть прищурившись: — Ты что же, думаешь, Прасковья жила-жила, а потом взяла свой дом, предками выстроенный, спалила да и сгинула просто так?

Я с недоумением захлопала ресницами. Кажется, моего ответа он и не ждал и совсем не замечал моей растерянности. Заговорил быстро, будто меня тут и не было вовсе:

— Озеро не такое. Изменилось. Сразу-то я и не приметил, вроде ничего. Да и сейчас ещё не шибко заметно. Но нутром чую: что-то изменилось. И продолжает меняться. — Он вдруг раздражённо, сложив пальцы в кулак, ударил себя по колену. — Эх, матушка Прасковья! Почто не сказала-то? Всё молчком да тишком! — Он вдруг так же резко успокоился. Заговорил, будто размышляя вслух: — А может, оно и правильно. У каждого своя ноша. Что будет, начини мы со своих плеч на другие перекладывать? Не гоже так-то... — Вдохнул тяжело и, уже обращаясь ко мне, закончил сурово: — Грядёт что-то. Чую я. Так что ты гляди в оба. И имей в виду: это не отступники. Может, что-то и похуже будет.

В первый момент после его слов я даже не испугалась. Мало ли что он имел в виду. Но, глянув на остатки пожарища, задумалась. В одном он был точно прав: Прасковья просто так не спалила бы свой дом и не пропала. Для этого у неё должен был быть повод посущественнее отступников. Ведь она здесь прожила... Даже не возьмусь сказать, сколько лет, и отступники знали о ней и об этом месте. К тому же был у меня ещё один важный вопрос... Ладно, не один. Но со вторым вопросом я решила повременить, а первый задала:

— А ты случайно не знаешь, куда Прасковья дела сундук прадеда? Ведь не с собой же унесла? — И добавила, поясняя: — Он тяжёлый, и одной ей его было не утащить.

И замерла. Потому что обнаружила, что в моём вопросе был ответ на второй, не заданный мною вопрос. Куда делся Ефим? А теперь получалось, что Ефим пропал вместе с Прасковьей и сундук унёс? Но тогда оставался ещё один, третий вопрос: зачем?

Ставр глянул на меня со скрытой усмешкой и пробасил:

— Куда дела, спрашиваешь? Думаю, туда, где никто до него не сможет добраться. — Вдохнул тяжело и закончил совсем другим, каким-то «родительским», заботливым тоном: — Ступай, дочка... Нечего тебе здесь делать. И не ходи сюда, только душу себе рвёшь понапрасну. Ни к чему это. Что прошло — то прошло. А что грядёт... То нам не ведомо, но готовы должны быть ко всему.

Я постояла ещё несколько минут молча, а потом развернулась и поплелась к Карьке.

Глава 2

Домой добралась только ближе к утру. Облилась колодезной водой, которая смыла всю усталость от бессонной ночи, но не смыла, увы, тяжести на сердце. Рабочий день закрутил меня так, что я почти позабыла обо всех своих тревогах. Только обратила внимание на то, что всё время внимательно всматриваюсь и вслушиваюсь во всё, что происходило вокруг. Более внимательно, чем обычно. Правда, ничего странного или настораживающего не заметила. С тоской подумала, что долго я так не продержусь.

Бригада закончила очередную деляну и ушла на отдых на несколько дней. К вечеру в контору пришёл Венька, который в бригаде работал как «затычка в бочке», но весьма квалифицированная «затычка». Он и с пилой мог управиться, и на тракторе. Весной его должны были забрать в армию, но по моей просьбе директор лесхоза хлопотал, и парня оставили в лесничестве как «ценного специалиста». Не знаю, правильно ли я поступила, но мне не хотелось, чтобы ещё и Венька пропал из моей жизни. Не так уж и много народа было рядом, который ЗНАЛ. А после ухода Прасковьи... В общем, мой порыв был понятен. Конечно, он был ещё очень молод, но в крайней нужде, я была в этом твёрдо убеждена, на него можно было положиться. Судя по словам Ставра, такая «нужда» могла вскоре и появиться.

Он встал на пороге кабинета и начал мяться. Я не выдержала первой:

— Веня, что случилось?

Он посмотрел на меня своими синими бабкиными глазами, и у меня аж мурашки побежали по телу от этого взгляда. Словно Прасковью перед собой увидела. Мельком подумала, что яблоко от яблони... ну и так далее. Он как-то неловко перемялся с ноги на ногу и проговорил неуверенно:

— Василиса Матвеевна... Мы тут с дядькой Ставром поговорили...

Я решила облегчить пареньку задачу. Кивнула головой и спросила:

— Бабушкин дом хочешь восстанавливать?

Он обрадованно кивнул головой. А я про себя отметила, что на работе, в обычной жизни, это был один человек. Простой стеснительный мальчишка. Но вот когда дело касалось, скажем так, странных вещей, парень преобразовывался совершенно. Я хорошо помнила, как он себя вёл тогда, когда пришёл ко мне ночью тайком, чтобы проводить к дому своей бабки Прасковьи. Тогда передо мной был воин, рыкарь. Выходит, не одна я жила двумя жизнями одновременно. И это внушало некоторый оптимизм. Раз этот молодой паренёк с таким грузом справляется, то и я тоже смогу.

Я проговорила спокойно:

— Я уже выписала делянку на сто кубов. Думаю, если поговорить с мужиками из твоей бригады, они помогут. Да и на пилораме не откажутся. — Полезла в стол и достала лесорубочный билет, выписанный на его имя. Протянула листок ему.

Он обрадованно улыбнулся. Взял бумагу и проговорил:

— Спасибо, Василиса... — Замялся и добавил после паузы неуверенно: — ...Матвеевна.

Я чуть не рассмеялась. Сдержанно улыбнулась и ответила как можно серьёзнее:

— Не за что... Не чужие чай.

Я думала, что он сразу же уйдёт, но парень продолжал стоять, будто решая для себя какую-то задачу. Потом быстро обернулся назад, в коридор. Не увидев там никого, тихо, совсем другим голосом проговорил:

— Я вот ещё что... Вчера возле озера мужики двух чужаков с ружьями видели. Степан Егорович сказал, мол, охотники. Он у местного егеря узнавал. Только вот охотникам на развалинах бабкиного дома делать вроде бы нечего. Я дядьке Ставру сказал утром. Он обещал присмотреть.

Я внимательно посмотрела на Веньку. Взгляд его синих глаз был серьёзен и сосредоточен. И уже не стеснительный парнишка стоял сейчас передо мной, а воин. Кивнула головой и сдержанно проговорила:

— Спасибо, что сказал.

Он кивнул головой и молча вышел из кабинета.

Ой, не зря я хлопотала перед директором, чтобы Веньку оставили в лесничестве.

Разумеется, после таких известий сидеть в конторе у меня уже терпежу не было. Заглянув к своему «подкреплению», которому отвела кабинет помощника лесничего, сообщила, что сегодня меня в конторе не будет. Дала им задание на следующий день и понеслась в конюшню.

Слава богам, Ставр был на месте. Антон тоже крутился здесь, бегая из ворот конюшни и обратно с ведрами воды, готовя поилку для коней. Увидев меня, выходящую из машины, с радостью, непонятно к чему или к кому относящейся, спросил:

— Опять Карьку запрягать?

Я только головой покачала. Коротко буркнула:

— Нет. Я к Ставру Фёдоровичу.

Парнишка махнул рукой куда-то вглубь конюшни, прогукнул:

— Там он...

Я торопливо направилась внутрь. Ставр поджидал меня, опираясь одной рукой на вилы. Вид имел, как обычно, суровый. Подойдя ближе и предварительно убедившись, что Антон меня слышать не может, тихо спросила:

— Мне Венька сказал. Ты уже разобрался, что там у нас за охотники возле озера крутятся?

Ставр хмыкнул. Кинул быстрый взгляд мне за плечо и так же тихо ответил:

— А чего там разбираться. Проверяют.

Я молча посмотрела на него. Куча вопросов зажужжала у меня в голове встревоженным роем. Кто? Зачем? Что хотят? А главное — чего нам теперь ждать от этих «проверок»? Но, судя по взгляду внимательных серых глаз Ставра, ответа на эти вопросы у него тоже не было.

С минуту мы смотрели друг на друга, а потом я кивнула головой и, развернувшись, пошла к выходу.

Конюх мне чуть громче проговорил вслед:

— Сама не лезь.

Не оглядываясь, я буркнула, не заботясь о том, услышит он меня или нет:

— Даже и не собиралась...

Сев за руль, я завела двигатель и на малой скорости поехала к дому. Вопросы почти уже не вмещались в мою черепушку, распирая голову изнутри, как взрыв гранаты. Тоска по Ефиму как-то отступила на задний план. Теперь было не до лирики. Ставр был прав: что-то грядёт. Это висело в воздухе каплями густого тумана по утрам, слышалось в тревожном шёпоте в кронах деревьев, в ночном завывании ветра, похожем на чей-то плач. Причём я всей кожей чувствовала, что это «что-то» действительно будет страшнее отступников. Увы, что это такое, я не знала, но чувствовала каким-то звериным чутьём, которое знает о приближении грозы задолго до того, как горизонт затягивают чернильные тучи.

Не сдержав эмоций, я стукнула по рулю обоими кулаками, выругавшись сквозь зубы. Машина обиженно фыркнула и заелозила по колее. Я проворчала, хватая руль:

— Ладно, ладно... Не сердись. Я нечаянно. Больше не буду.

Не знаю, может, мой узик услышал и принял моё раскаяние, а может, просто я сама стала более сосредоточенно вести автомобиль, но до дому я доехала без особых происшествий и в кратчайший срок.

Аргус встретил меня, радостно виляя хвостом, у самой калитки. Я потрепала его по загривку, похвалив за верную службу. Кажется, пёс остался недоволен. Вероятно, он ждал, что

я уделю ему больше внимания. Но мне хотелось подумать в тишине и покое. Захватив охапку дров из дровяника, я зашла в дом. Агроном, лежавший на своём коврик у печи, приоткрыл один глаз, посмотрел на меня с прищуром и опять зажмурился, делая вид, что он спит и ничто человеческое ему не интересно. Я только головой покачала и тихо проворчала:

— Не та хозяйка вам досталась, ох, не та...

Кот опять сделал вид, что не слышит, но я-то видела, как подрагивали у него кончики ушей. Прикидывается, паразит эдакий!

Больше не обращая на кота внимания, растопила печь, поставила чайник на плиту, усе-лась на своём излюбленном месте — на низкий стульчик возле самой топки — и стала глядеть на огонь. Надо подумать. Только вот с этим обнаружились проблема. Из всего, о чём я сейчас могла подумать, были только одни вопросы.

Я не стала относиться к этому скептически. Иногда и в вопросах содержится сам ответ. Правда, я была почти уверена, что это не мой случай, но всё же решила попробовать.

Итак... Если начинать по порядку. Куда делась Прасковья? Нет. Стоп, стоп... Куда она делась, не так уж и важно. Главное, что её вынудило спалить собственный дом и исчезнуть? Причина должна была быть очень, очень существенной, если не сказать — глобальной. И здесь как раз напрашиваются те самые слова Ставра про «что-то грядёт». Хорошо. Грядёт и грядёт... Мало ли было за все годы жизни у Прасковьи этих самых «грядёт». Но дом-то она не поджигала до сих пор!

Мозг у меня словно крючком зацепился за фразы Ставра: Озеро меняется... Что-то грядёт... Похлеще отступников... А кто у нас Прасковья? Хранительница грани реальности. Но сама менять её изнутри она не может. Об этом знали отступники. То есть ходить ТУДА может, а вот изменять ТАМ что-либо — нет. Но зато менять могу я. Отступники это год назад поняли и решили меня использовать. Правда, у них ничего не вышло, но... Вот именно! Если у них не вышло, а что-то «грядёт» похлеще этих самых отступников, то у этого «похлеще» может и получиться, так выходит? Знать бы ещё, что именно может получиться, чёрт!

Так, спокойно... У меня нет фактов, чтобы вдаваться в подробности, вот и не стоит в них вдаваться. Попробуем рассуждать дальше. А дальше получалось страшненько. Если сложить всё вместе: изменение озера, «грядёт» и «похлеще отступников», то у меня напрашивался только один вывод: Прасковья ушла, потому что понимала, что то, что «грядёт», без неё не сможет использовать меня, потому что «озеро меняется». И не зря здесь нарисовались эти «охотники». Ставр сказал: «Проверяют». А проверять на пепелище можно только одно — правда ли Прасковья навсегда ушла из этого места.

По идее, если моя корявенькая схемка верна, они (фиг знает, кто это такие) должны кинуться на поиски Прасковьи. Меня-то им искать не надо, и озеро тоже. Мы все здесь. А значит, в предстоящей партии Прасковья — это ключ.

Я выдохнула, словно только что выполнила тяжёлую работу по копке глубокой ямы в замороженной земле. Получалось вроде бы всё логично. Но я понимала, что всё может быть совсем по-другому. Только одно я знала совершенно точно: Прасковья совершила поступок, считая, что тем самым она уводит от нас беду. Вот это было на неё похоже. Да и, между прочим, не только сама ушла, но и Ефима с собой, скорее всего, забрала вместе с сундуком моего прадеда. Хотя это тоже было логично. Одной без помощников ей не справиться, наверное, с тем, что она задумала. А на кого она может ещё так положиться, как не на собственного сына?

Правда, мне от этого не легче. Нужно было признаться себе честно, что меня больше мучает не сам уход Ефима, а собственное бездействие. Представьте, только обнаружили крылья, а тебе говорят: «Летать не смей!» И сидишь ты, прикидываясь курицей, и с тоской смотришь в бездонную синь неба.

Я коротко хохотнула, пробурчав себе под нос:

— Тебе бы только стихи писать, лиричная ты моя...

Мой голос, хоть и совсем тихий, будто пробудил старый дом. Я услышала, как потрескивают дрова в печи, поскрипывают на ветру ставни, как шипит на плите закипающий чайник и тикают часы-ходики на стене, как урчит о чём-то во сне этот противный, но родной и уютный кот Агроном.

Я поднялась, вытащила из холодильника замороженный шмат мяса. Покрутила его в руках, порассуждав на тему: «Что бы себе эдакое приготовить?» Есть, если честно, совсем не хотелось, но я должна была занять себя хоть каким-то делом, потому что сидеть у печки, глядя на огонь, — это, конечно, хорошо, но для моей психики этих сидений уже было через край. Мне нужно было какое-то действие. Хоть какое, пускай самое незначительное, иначе я точно скоро завою по-волчьи. К тому же не в моём характере были долгие страдания. А если уж совсем откровенно, то страдать, как все люди, я совсем не умела. Злиться умела, а вот страдать — нет.

Вышла в сени, оттапала от общего куска мяса топором значительную порцию и вышла на улицу. Пускай хоть Аргус порадует. Он и порадовался. Схватил мясо и поволок его на своё место в будке. Я уже совсем было собралась зайти в дом, но тут увидела свет фар, мелькнувший на дороге, ведущей к моему дому. Сердце болезненно сжалось. Я быстро метнулась в дом, кинула остатки мяса на стол, схватила бушлат и, всунув ноги в калоши, рванула обратно на улицу. В голове мелькало успокоительное: «Показалось», но я уже знала — нет, не показалось.

К калитке подбежала одновременно с подъехавшей из леса машиной.

Зойка!

Обляпанная от самых колёс до крыши «Нива» медленно затормозила у ворот рядом с уазиком. Мгновение — и мотор заглох, фары погасли, а из нутра машины, больше похожей на маленький танк, вывалилась Зойка. Я слышала, как она чертыхалась, проклиная непролазную грязь нашей глубинки. Заметила меня и замолчала на полуслове.

Несколько мгновений мы стояли столбами и смотрели друг на друга, не произнося ни слова. А потом обе бросились друг к другу. Ноги разъезжались на липкой грязи. При этом Зойка даже чуть не упала. Выругалась сквозь зубы, едва сумев удержать равновесие, и попала напрямик в мои объятия.

Мы обнимались так, словно обе только что вернулись с долгой войны, после которой чудом остались живы. Она всё время растроганно шептала, шмыгая носом:

— Сестря... Ну, наконец-то...

Я в долгу не осталась. Правда, носом не шмыгала, но растрогана была выше всякой меры. Проговорила мгновенно охрипшим от волнения голосом:

— Молодец, что приехала...

Наконец мы разжали наши объятия. Сестрица немного отвернула голову в сторону, чтобы скрыть свои слёзы. Пробурчала, изображая из себя «железную леди»:

— Ладно, будет сопلي распускать... Давай машину разгружать. А то в твоём холодильнике, поди, опять мышь повесилась...

Разумеется, я не стала ей тыкать, что «сопли» как раз-таки распускала она, а не я. Да и не важно всё это было. Главное — моя Зойка вернулась.

Мы разгружали машину, а Аргус восторженно скакал вокруг нас, норовя поставить свои грязные лапы нам на плечи. А я посматривала на сестру, сосредоточенно волокшую очередную сумку с провизией, и на душе одновременно с радостью от её приезда зрело зёрнышко тревоги.

Суэта после приезда сестрицы длилась ещё около часа. Пока разгрузили машину (Зойка опять приволокла провизии на небольшую, но весьма прожорливую армию), пока растолкали все продукты по местам. Наконец, мы усадились за стол.

Зойка неодобрительно окинула взглядом чайные чашки, нарезанный хлеб и банку мёда. С тяжёлым вздохом мученицы полезла в холодильник, извлекла оттуда «палку» колбасы, полголовки сыра и пачку масла. Быстро нарезала снедь, ловко расставила тарелки на столе и соорудила пару бутербродов. Проговорила ворчливо:

— А у тебя всё, как обычно: мёд, хлеб, вода.

Я обиженно поправила её:

— Ну, во-первых, не вода, а чай на травах, а во-вторых, чем ты недовольна? Нормальная здоровая пища...

Жуя кусок бутерброда и припивая его чаем, она проворчала:

— От такой «нормальной» еды тебя скоро ветром унесёт, и желудок испортишь. Ладно, я завтра борща наварю.

Я только хмыкнула в ответ. Кормилица, блин! Но вслух свою иронию высказывать не стала, только буркнула:

— Лучше на себя посмотри...

За едой мы никаких особых разговоров не вели, если не считать моих вежливых вопросов на тему «как добралась» и её не очень вежливых ответов о качестве наших дорог. Заканчивая трапезу Зойка медлила, понимая, что придётся что-то объяснять. А по её лицу, по тому, как она старательно отводила взгляд, было件нятно, что она сама не знает, с какого края подступиться к беседе.

Я не выдержала первой. Отставив свою чашку в сторону, сложила руки, словно примерная ученица, на столе и, уставившись на Зойку, проговорила:

— Ну, рассказывай...

Она попробовала изобразить дурочку. Коротко зыркнув на меня своими зелёными глазами, оценивая, пройдёт или не пройдёт. Ни к какому выводу не пришла. Пожала плечами и фальшивым голосом произнесла:

— А чего рассказывать? Всё, как обычно: дом, работа, дом.

Я со вздохом покачала головой.

— Зойка, ты мне это дело брось. Со мной такие штучки не пройдут. Так я и поверила, что ты примчалась в такую даль просто повидать сестру. Целый год носу не казалась, а тут... Так что не юли. Говори, как есть.

Теперь тяжело вздохнула Зойка. Помолчала несколько мгновений, а потом посмотрела на меня болезненным взглядом и проговорила с едва сдерживаемым отчаянием:

— Васька... У меня после ТОГО случая вся жизнь кувырком. Понимаешь?!

Я понимала. Молча кивнула головой, мол, продолжай. И сестрица продолжила:

— Знаешь, Славка совсем изменился. Я его не узнаю. Раньше он был такой внимательный, ласковый, заботливый. А сейчас... — Она махнула рукой и отвернулась, глядя куда-то в угол комнаты, пряча от меня выступившие слёзы.

Я заговорила, осторожно подбирая слова:

— Ну... Ты пойми, влияние, которое на него оказали отступники, никуда не делось. Он же не мы. Он простой обычный парень. Для него такие... — я замялась, стараясь подобрать слово, которое никак не хотело мне даваться на язык. Не получилось. Плунув на стройность собственной риторики, я выпалила: — Ну он «мелкий», понимаешь?

Зойка на меня уставилась, не скрывая возмущённого изумления.

— Что ты этим хочешь сказать? Что он недалёкий дурачок, что ли?!

Я поморщилась.

— Да нет... Совсем не это я хотела сказать. Ну он просто никогда не нырял в свои мысли глубоко. Он простой, как три рубля. Никаких тебе заморочек, никаких тебе исканий или метафизических. Помнишь, русские классики всегда писали, что наш человек не просто так живёт, а всё время «ищет Бога в себе»? Так вот, твой Славка из тех, кто ничего не ищет. Его мысли просты и понятны. А когда в его сознание влезли отступники, то там, в смысле в сознании, всё изменилось. А для его психики это непонятное и новое. Так что в том, что Славка изменился, я не вижу ничего необычного. Ему просто нужно время.

Я выдохнула. Да уж... Нелегко объяснять человеку то, чего и сама толком не понимаю. Но Зойка ждала от меня какого-то утешения. Вот я и утешила. Как могла. Но, судя по выражению лица сестрицы, она это самое моё утешение восприняла как-то по-другому. Нахмурившись, она почти грозно спросила:

— Васька, верни всё обратно. Я знаю, ты можешь!

От такого её заявления я чуть с лавки не свалилась. Уставилась на Зойку с недоумением и спросила:

— Я?? Ты чего, родная... Не забыла? Я — лесник, а не психотерапевт. А потом... Не хочу тебя пугать, но знаю наверняка только одно: люди не меняются. Меняются обстоятельства, в которые они попадают. И если в Славике нет ничего такого, то оно там и не появится. Короче, дай ему время.

Зойка, всё ещё хмурясь, как-то неохотно кивнула головой. Потом горько усмехнулась и подытожила:

— В общем, ты считаешь, что сейчас из Славки повылазило то, что было глубоко скрыто в его подсознании. А после вмешательства отступников всё это и всплыло на поверхность. Так, да?

Я уважительно крикнула, не ожидая такой умной речи, а она продолжила с тоской:

— Васька, год уже прошёл. Сколько ему ещё понадобится времени, чтобы он стал прежним?

Я исподлобья глянула на сестру и тихо проговорила:

— Зойка... Прежним уже никто из нас не будет. Я думала, ты это и сама поняла.

Зойка замерла, словно я своими словами превратила её в ледяную фигуру. Потом, обхватив голову руками, внезапно заголосила так, что дремавший у печи Агроном с диким шипением запрыгнул на печь и притаился за занавеской, недовольно урча:

— Ой, мамочки...

Я было собралась кинуться её утешать, но она как-то быстро пришла в себя. Подняла голову, посмотрела на меня совершенно сухими глазами и деловито спросила:

— Васька, у тебя там вроде наливочка была, брусничная, что ли?

Я машинально поправила:

— Клюквенная...

Сестрица махнула рукой:

— Один чёрт! Неси!

Я удивлённо несколько мгновений пялилась на неё. Во-первых, я не ожидала такой резкой смены настроений, а во-вторых, любви к спиртным напиткам я за Зойкой как-то не наблюдала. Смотрела я на неё не меньше тридцати секунд, словно дожидаясь, что она скажет, мол, пошутила. Не дождалась. Да, дела. Должно было произойти что-то посущественнее, чем просто «Славка изменился».

Зойка сердито посмотрела на меня и выдала:

— Ну и чего ты на меня смотришь так, будто у меня на лбу лик святой написан? Не стала я алкоголиком, не пугайся. Но сейчас тяпнуть просто необходимо!

Я выдохнула. Вот это уже было похоже на мою прежнюю Зойку.

Послушно поднялась и пошла к буфету. Достала заветный графинчик с рубиновой жидкостью и две стопочки. Молча поставила всё это на стол и опять уселась на своё место напротив Зойки.

Сестрица, не дожидаясь, пока я разолью наливку, сама взяла графинчик и плеснула в обе стопки почти до самого верха. Подняла свою порцию и с какой-то тоской посмотрела на дно стаканчика. Не поднимая на меня взгляда, пробурчала словно сама себе под нос:

— Ну, за сенокос...

И в два глотка опорожнила маленькую посудину.

Я молча, мелкими глотками, смакуя вкусный напиток, выпила свою порцию. Поставила стаканчик на стол и уставилась на сестру.

Зойка повозила стопку немного по столу нервно подрагивающими пальцами и проговорила, стараясь не смотреть мне в глаза:

— Понимаешь, всё изменилось. Вся моя жизнь, можно сказать, пошла под откос...

Я, не утерпев, вставила свои три копейки:

— Ну, я бы на твоём месте так не драматизировала. Если разобраться, что такого уж страшного произошло?

Зойка так резко качнулась ко мне, чуть не улёгшись на стол грудью, что я шарахнулась назад, впечатавшись в стену за спиной. А сестрица зашипела, словно я ей хвост отдала, причём не один раз:

— Что, говоришь, страшного произошло?! Да у меня весь мир перевернулся с ног на голову! Я уже не могу понять, что в моей жизни правда, а что выдумка! Чёрт побери, Васька, как ты можешь вообще жить со всем этим?! Словно всё так и должно быть?!

Лицо у неё побелело, а из глаз рвалось зелёное пламя. Ну чисто Змей Горыныч! Я попробовала унять этот просыпающийся вулкан:

— Ладно, Заяц, ты чего... Понимаю, что тебе нелегко принять... — начала было я.

Но она меня прервала, уже чуть спокойнее. Забубнила, словно читала доклад с трибуны, торопливо проглатывая окончания, точно опасалась, что я не дам ей сказать:

— Мне сны снятся странные. Я вижу три луны в небе над своей головой. Мне снятся какие-то битвы, выжженные дотла леса и городища. И все эти сны настолько реальны, что, когда я просыпаюсь утром, чувствую горечь дыма на губах. И ладно бы всё это было только ночью! Видения приходят ко мне и посреди дня! Когда я стою в очереди в магазине, мне из-за стеллажей с консервами чудится волчья морда, а в троллейбусе ловлю на себе угрюмые взгляды каких-то воинов с мечами. Я бы подумала, что схожу с ума, если бы не одно «но». — Я с любопытством уставилась на Зойку, а она продолжила, будто не замечая моего взгляда: — Я могу всё это контролировать, понимаешь?

Я честно помотала отрицательно головой.

Зойка горько усмехнулась.

— Ну чего тебе не ясно? У меня такое чувство, что всё это моё, понимаешь? Точнее, часть меня и моей жизни, словно оно всегда там было, а это я просто куда-то уходила, а сейчас взяла и вернулась. Так понятно?

Теперь мне было понятно. Правда, не всё и не до конца, но... Я так ей об этом и сказала.

— Думаю, всё просто... К тебе начала возвращаться память. Та самая, которая от предков, глубинная. Как-то так. Прости, конкретнее объяснить не умею. Вот Прасковья — та бы смогла всё тебе разложить по полочкам. А мне самой с собой бы разобраться, не говоря уже о том, чтобы ещё кому-то что-то объяснять.

Я думала, Зойка сейчас расстроится или опять впадёт в истерику. Но она как-то насто-роженно переспросила:

— Прасковья, говоришь?..

Я кивнула, уже чувствуя какой-то знакомый холодок в районе солнечного сплетения. Наверное, поэтому проговорила торопливой скороговоркой, словно мне было больно об этом говорить (впрочем, почему «словно»? Мне действительно было трудно говорить об этом):

— Спросить у неё уже не можем. Она пропала весной. Ушла и спалила свой дом.

Зойка как-то странно посмотрела на меня и проворчала себе под нос непонятное:

— Ну, теперь становится кое-что понятно...

Я вцепилась в неё взглядом.

— Что тебе становится понятно? Ты что-то слышала о Прасковье?

Мне казалось, что я даже забыла, как дышать, ожидая от сестры ответа.

Зойка как-то рассеянно посмотрела на меня, что-то прикидывая в уме. А потом проворчала недовольно:

— Ничего я о ней не слышала. Откуда? Ты же мне ничего не рассказывала.

В её словах прозвучала скрытая обида, а ещё лёгкая фальшь. Но я по опыту знала, что сейчас давить на Зойку не стоило. Она должна сама мне рассказать, всё, что считала нужным и важным.

Я просто покачала головой, тяжело выдохнув:

— А когда бы я тебе могла всё рассказать? Ты уехала и уже год точно забыла о моём существовании. — И тут же торопливо добавила, увидев, как брови сестрицы сошлись на переносице: — Я не обижаюсь. Всё понимаю. Принять ТАКОЕ не каждому по плечу. Так что... — Я развела руками.

Зойка кивнула, внимательно разглядывая графинчик с наливкой. Потом решительно схватила его и плеснула рубиновый напиток в обе стопки. Подняла свою и провозгласила:

— Давай за нас...

Ничего против этого я не имела, поэтому с готовностью выпила свою порцию.

У меня складывалось впечатление, что Зойка на что-то настраивается, словно спортсмен перед прыжком в воду на старте. И дом будто бы замер в ожидании. Не слышно было урчания Агронома, даже ходики на стене словно замерли, медленно отсчитывая секунды.

Сестрица одним махом выпила наливку и поставила стопку на стол, не выпуская её из пальцев. Потом, не глядя на меня, словно стыдясь чего-то, произнесла:

— Я слукавила...

И, набравшись смелости, посмотрела мне прямо в глаза.

Боясь спугнуть эту её решимость, я осторожно спросила:

— Насчёт Прасковьи, да?

Она кивнула головой.

А я опять проговорила, скорее утвердительно, чем в форме вопроса:

— Ты слышала что-то о ней совсем недавно...

Зойка испуганно сморгнула.

— Что ты об этом знаешь?

Я пожала плечами.

— Ничего. Но я знаю тебя. Вижу, что тебя это мучает. — Потом, чуть придвинувшись ближе, проговорила тихо: — Заяц, не держи это в себе, иначе и правда можно сойти с ума. Я знаю только один способ избавиться от этой тяжести: разобраться, что происходит. Самим. Очень осторожно. Вместе. Понимаешь?

Сестра трудно сглотнула и как-то жалобно спросила:

— А сможем?

Я выпрямилась. Тихонько хохотнула и произнесла с улыбкой:

— Никогда не узнаем, если не попробуем. Так что там насчёт Прасковьи?

Зойка фыркнула.

— А тебя не сбить с темы, да? Узнаю свою вьедливую сестрицу. Уж коли во что вцепишься — туши свет. — Потом, посерьёзнев, проговорила: — Я по улице вечером с работы шла. Там возле Преображенского собора ко мне какой-то странный нищий пристал. Сказал, что... Привожу коротко и почти дословно: «Прасковья велела сидеть тихо и не высовываться». Ну или что-то в таком роде. Мол, что-то пробудили мы. Лично я ничего такого не «пробуждала».

И она посмотрела вопросительно на меня.

Я задумалась. И задала вопрос, которого, похоже, Зойка никак не ожидала:

— А почему ты сказала, что нищий был «странным»?

Сестра склонила набок голову и задумчиво протянула:

— Ну... Вроде бы ничего такого. Нищий как нищий. Седая борода, весь грязный, в рванье, какой-то взлохмаченный, только... — Она на мгновение замолчала, а потом таинственным шёпотом выпалила: — Глаза у него молодые, совсем не как у нищего старца. Я бы даже сказала — живые такие, настойчивые. Будто он хотел, чтобы я это увидела и поняла.

И она уставилась на меня вопросительно, как будто ожидала, что я ей вот прямо сейчас всё и объясню.

А я услышала только одно: молодые глаза.

Сердце учащённо забилося.

Ефим?!

Почему бы и нет?

Только почему Зойка? Почему не я? И почему в городе?

Если мне казалось, что от рассказа Зойки хоть что-то прояснится, то, увы... Всё стало ещё запутаннее. По крайней мере, вопросов только прибавилось.

Я обратилась к сестре с вопросом, которого она от меня точно не ждала:

— А ты помнишь, какого цвета были у него глаза?

Зойка растерянно захлопала на меня ресницами и с недоумением протянула:

— Ну... Не знаю. По-моему, какие-то чёрные...

Я разочарованно выдохнула, а сестрица торопливо добавила:

— А может, и не чёрные. Там темно было. Только фонари оранжевые. А у него шапка до самых бровей надвинута. Да и, если честно, не разглядывала я его. Растерялась в первую минуту, а потом к нам какой-то попик подлетел и нищего прогнал. Так что извини, дорогая. — Она на несколько секунд замолчала, а потом с раздражённым любопытством спросила: — А что, тебя только его глаза заинтересовали и больше ничего?

Я пожала плечами, пребывая после её слов где-то далеко в своих мыслях.

А Зойка начала злиться.

— То есть нас интересует цвет глаз какого-то нищего, а вот его слова о том, что мы что-то там пробудили (или не мы, а вообще), про то, что Прасковья «велела» сидеть как мыши под веником, тебя вообще не заинтересовали?

Я, очнувшись от своих мыслей, почти равнодушно ответила:

— Прости, но ничего нового я почти не услышала. Насчёт «как мыши» — так это они всегда так говорят. «Не лезь», «сиди тихо» и прочее. Всё это как раз-таки в духе Прасковьи. Про то, что мы что-то разбудили, я и сама догадалась. — Увидев, как сестрица слегка скулсилась, поспешно добавила другим, более вдохновлённым тоном: — А вообще, ты молодец, что рассказала мне об этом. Вот и Ставр предупреждает, что что-то «грядёт». Но думать сейчас об этом у меня уже нет сил. Давай отложим это на завтра. Устала я чего-то сегодня. Слишком много всего...

Не договорив, я махнула рукой.

Моё предложение явно Зойку не обрадовало, но она вынуждена была согласиться. Ведь сестрица знала меня ничуть не хуже, чем я её.

Глава 3

Первым моим порывом, когда я оказалась в своей спальне наедине с собой, было немедленно лететь в город и искать того самого нищего. Не знаю, с какого такого перепуга я сразу подумала об Ефиме. Нет, вру. Конечно, знаю. Потому что всё это время я не переставала о нём думать, даже когда работала в лесу или занималась стиркой в доме. Уж себе-то врать не было никакого смысла.

Я уселась на кровати и окинула комнату унылым взглядом. Задержалась на прадедовой фотографии, висевшей над сундуком в затейливой рамке из маленьких фигурок скачущих волков. Один из них, в самом верху, стоял на задних лапах. Это не было просто декорацией. Именно этот волк и был ключом, отпирающим заветный сундук прадеда, который он спрятал под полом в своей кузнице. Там хранились тонкие металлические листы с выбитыми на них странными знаками — записи, которые оставил мой прадед, искусный кузнец, своим потомкам. Я не умела их прочесть, но чувствовала их смысл, видела его каким-то другим, внутренним взором пробуждающейся памяти. И, кстати, один из них, как сказал мне сам прадед Евсей, самый важный, я оставила у себя. Именно он помог мне в прошлом году избавиться нас от влияния отступников. Сейчас он хранился в бабулином сундуке, завернутый в кусок чистой льняной тряпицы.

С прошлого года, после известных событий, я не ходила в кузницу. Хотя в схроне под полом было много чего любопытного: древнее оружие, собранное не одним поколением моих предков. При воспоминании об этом у меня опять заныло сердце. Захотелось снова попасть туда и полюбоваться на все эти вещи. Может быть, даже просто подержать их в руках, чтобы напитаться силой тех, кто когда-то их создавал или использовал.

Повинуясь странному порыву, я поднялась с кровати и подошла к сундуку. Постояла несколько мгновений, закрыв глаза и прислушиваясь к себе. Я давно уже привыкла доверять не своим мыслям, а чувствам. Рука сама потянулась к фотографии в рамке. Я сняла снимок, посмотрела на него несколько секунд, вглядываясь в лицо прадеда. Но на старом пожелтевшем фото изображение было немного расплывчатым. Вздохнула, пробормотав, непонятно к кому обращаясь:

— Ничего, ничего... Мы справимся.

А затем вытащила из рамки фигурку волка, которая была ключом, и повесила снимок на место. Покрутила ключ в руке, пытаясь сообразить, зачем вообще это сделала, а потом решительно откинула крышку сундука и принялась рыться в его недрах. В небольшой берестяной коробочке, в которой бабуля хранила всякие нитки и пуговицы, отыскала прочную проволочную нить, которую называли дратвой. Помнится, бабуля ею ремонтировала подошвы протёршихся валенок. Отрезала маленькими ножничками приличный кусок и убрала всё обратно в сундук. Закрыла крышку и села на край кровати.

Внимательно осмотрев фигурку волка, нашла маленькое отверстие между ушами металлического зверя. Прodela нитку сквозь отверстие и, сделав тугой узелок, повесила этот импровизированный медальон себе на шею. Никогда бы в такое не поверила, если бы мне кто рассказал! Но как только фигурка волка легла мне на грудь, я сразу почувствовала себя легче. Будто и не было никакой усталости или мрачных мыслей. Прижала фигурку ладонью и тихо прошептала:

— Спасибо тебе, прадедушка...

Спала я в эту ночь как убитая. Меня не мучили кошмары, и я не вскакивала на каждый шорох за окном. Так что утром чувствовала себя вполне отдохнувшей.

Проснулась рано. За окном ещё было темно — не отличишь, то ли ночь, то ли уже утро. В кухне слышалось слабое шуршание. Когда я, замотанная в полотенце, вышла из своей комнаты,

то у плиты обнаружила Зойку. На моё появление в таком виде сестрица не отреагировала, только громче продолжила греметь сковородками, на которых, судя по запаху, пеклись блины.

От удивления я даже тихонечко присвистнула, хотя подобную вольность в доме себе позволяла редко.

Не оглядываясь, Зойка буркнула:

— Не свисти, денег не будет.

Я, уцепив по дороге к дверям блин и ловко увернувшись от полотенца сестры, радостно возвестила:

— Так их всё равно нет... А ты чего в такую рань да сразу за стряпню? Спала бы. Тебе ж не на работу.

Зойка покосилась на меня и опять сердито пробурчала:

— А кто тебя ещё нормальным завтраком накормит? Знаю я, схватишь сейчас корку хлеба и дёрнешь на свою работу на целый день.

Стоя в дверях, я ехидно протянула:

— Кормилица приехала...

На сей раз полотенце сестрица запустила в меня. Но, понятное дело, не попала.

Через пятнадцать минут я, взбодрённая колодезной водой и полностью одетая, сидела за столом и уписывала за обе щёки блины со сметаной. Зойка ела вяло. Была тиха и задумчива.

Я, тщательно скрывая беспокойство, нарочито равнодушным голосом спросила:

— Как спалось?

Зойка подняла на меня серьёзный взгляд и со вздохом ответила:

— Прадед всю ночь снился... Правда, лица я его не видела. Всё словно в густом тумане.

Я с трудом протолкнула кусок блина в горле и настороженно поинтересовалась:

— Откуда ж знаешь, что прадед? Сама же говоришь, лица не видела...

Сестра пожала плечами.

— Да ниоткуда... Просто знаю.

Ну, мне подобные заявления были понятны. Сама через такое проходила.

Отодвинув в сторону свою чашку с недопитым чаем, коротко спросила:

— Чего хотел?

Зойка в сердцах бросила недоеденный блин на тарелку и с нотками отчаяния в голосе ответила:

— Да не поняла я! — Потом уставилась на меня и требовательно выпалила: — Васька! Ну сколько всё это будет ещё продолжаться, а?! Я ж так свихнусь скоро от всех этих снов, загадок и прочей мистики!

Я грустно посмотрела на сестру и ответила честно:

— Не знаю, Заяц. Но думаю, пока не поймёшь или не вспомнишь.

Зойка вдруг брякнула кулаком по столу. Чашки жалобно звякнули, а Агроном забрался под печь и поглядывал на меня оттуда с немым укором.

— Что я должна вспомнить или понять, а?! Я ничего не хочу понимать! Я хочу вернуть мою прежнюю спокойную жизнь!

Я вздохнула и произнесла наставительно, чувствуя, что в этот момент здорово смахивала на Прасковью. Те же недомолвки и загадочные полунамёки.

— Вернуть ничего уже не получится. И ты это знаешь. А продолжаться это будет до тех пор, пока ты не примешь себя такой, какая ты есть, со всеми своими новыми силами и способностями. Прими это как данность, что теперь твой мир вот такой. И, поверь мне, сразу почувствуешь облегчение. Что же касается твоего «сойду с ума», не сойдёшь и всё выдержишь. Так что чашки бить не нужно. Они денег стоят, которых, как я тебе уже сказала, и так нет.

Я вытерла губы краем полотенца и встала из-за стола.

— Всё, сестря, ты тут хозяйничай, а я — на работу. Кстати, не забудь про обещанный борщ. Животные тоже на твоей совести.

И я, чмокнув сестру в макушку, быстро натянула ботинки и, стаскивая с гвоздя бушлат, вышла в сени.

Там я на несколько мгновений замерла. Не знаю, что на меня нашло или кто меня в бок ткнул. Но я взяла с полки фонарь.

Вышла на крыльцо и огляделась. То ли привычка сработала, то ли ещё что. Врагов и супостатов вокруг не наблюдалось. Да и откуда у нас им сейчас было взяться? После того как мы изгнали отступников, в деревне наступила тишь да гладь. Правда, я думала, что парочку (а может, и больше) «спящих» они тут оставили. Но те никак себя не проявляли. Хотя, возможно, у меня уже начиналась паранойя. Но верить в это не хотелось.

Аргус сидел у крыльца и выжидательно смотрел на меня. Я погладила собаку и сообщила:

— Пёс, с сегодняшнего дня у нас новая «кормилица». Так что подожди немного, и всё будет.

Собака тяжело вздохнула, но хвостом пару раз вильнула. Как ни крути, а я всё равно оставалась хозяйкой.

Я не пошла сразу к машине. Зажгла фонарь и свернула за угол дома. В принципе, фонарь мне был не нужен, но сработала привычка. Я стала продираться сквозь подсохшие высокие заросли бурьяна в сторону старой кузницы. С прошлого года я туда носа не совала. То ли боялась воспоминаний, то ли ещё по какой неведомой мне самой причине. Но факт оставался фактом — тропинка за год заросла основательно.

Добравшись до кузницы, я замерла у порога. Свет фонаря выхватывал из глубины кучи старого железа, намётанные пожухлые листья и хвою. Зачем я здесь? Ответа не было, но я, пригнувшись, переступила порог и вошла в кузницу. Пахло прелью и железом, а ещё чем-то неуловимо похожим на дым. Будто совсем недавно кузнец загасил горн и ушёл, собираясь вскоре вернуться.

Я проглотила вдруг возникший в горле горький комок. Проговорила, не отдавая себе отчёта в сказанном:

— Ну здравствуй, Евсей, прадед мой. Вот и я...

Звук моего голоса словно всколыхнул тени по углам. Порыв ветра взьерошил палую листву под ногами. Я улыбнулась. Стало быть, ответил.

Решительно направилась в тот угол, где лежала груда старого железа, прикрывающая лаз в схрон. Быстро, стараясь не шуметь, разгребла её. За спиной послышался шорох. Я резко обернулась.

В дверях стоял Аргус и смотрел на меня внимательно, словно спрашивая: «Помощь нужна, хозяйка?» Я шёпотом выругалась:

— Чтоб тебя, пёс! Так и зайкой недолго остаться. Сиди тут, сторожи. Понял?

Аргус посмотрел на меня преданными глазами и уселся у двери, готовый разорвать любого, кто сунется. А у меня на душе сделалось спокойнее. Тыл надёжно защищён.

Пока разгребала кучу, мелькнула мысль, что я так и не рассказала Зойке ни про схрон, ни про найденный сундук. А она и не спрашивала. Не могу сказать, что промолчала с каким-то дальним умыслом. Вначале я боялась, что она из-за Славки может отдать наше наследство отступникам, а потом... Потом было не до того.

Кто-то внутри меня ехидненько спросил: «А сейчас-то чего молчишь? Тайком вот в кузницу отправилась...»

Я отмахнулась от голоса и пробормотала вслух:

— Зачем Зойку грузить ещё и этим? У неё и без кузницы забот хватает.

Оправдание было, конечно, так себе. Но другого у меня всё равно пока не было.

Я подцепила железякой первую плаху. Убрала её в сторону и стала медленно спускаться вниз. Сердце билось где-то у самого горла. Я что, волнуюсь? С чего бы это? Но моему сердцу было наплевать на доводы разума.

Снизу на меня пахнуло холодом. Казалось, время здесь не движется совсем. Сколько здесь лежали эти мечи, ножи, сулицы? Может быть, всё это было начато даже не прадедом, а его дедом?

Здесь даже воздух был каким-то другим, чем наверху.

Нет, дышалось здесь легко. Выстроен схрон был мастерски, со всеми воздуховодами и прочими инженерными премудростями. Просто воздух был чуть плотнее, словно спрессованный веками, впитавший в себя энергию тех, чьё оружие здесь хранилось.

Повинуясь какому-то порыву, я погасила фонарь и замерла, зажмурившись на несколько мгновений, чтобы приучить глаза к темноте. Я ещё ни разу не была здесь без искусственного света.

А сейчас...

Открыв глаза, я, не удержавшись, охнула. Оружие, лежавшее на полках, излучало красноватое свечение. Это не удивляло. Оно было напоено кровью. Давно, возможно, не одно столетие назад. Но энергия ярости боя всё ещё сохранялась в нём.

Я вдруг заметила, что в дальнем углу что-то мерцает слабым зеленоватым светом. Сделала несколько маленьких шагов, чтобы рассмотреть, что же там такое, и остановилась как вкопанная, будто налетев с разбегу на стену.

Сердце пропустило несколько ударов, а потом опять заколотилось в сумасшедшем ритме. На полу стоял сундук прадеда! Стоял ровно на том же месте, где я обнаружила его в первый раз!

Сначала мне показалось, что это какой-то морок. Я крепко зажмурилась и потрясла головой. Но когда вновь открыла глаза, он по-прежнему был там. Не морок. Не фантом. Реальный.

Мысли лихорадочно заметались в голове. Ай да Прасковья, ай да умница! Она не унесла его с собой, не закопала где-нибудь в лесу — она просто вернула его на место! Но когда?! И кто?

Я фыркнула вслух. Тоже мне, загадки! Разумеется, времени у неё было достаточно. Да и насчёт «кто» у меня тоже не было никаких сомнений. Тот же, кто и забрал его в первый раз. Ефим.

Тоскливая мысль сразу пролезла в сознание ядовитой змеючкой. Почему он не зашёл ко мне, не сказал ничего, даже весточки никакой не подал?

Я опять фыркнула и тихо проговорила вслух:

— Ну ты и дура-девка! Если тебя интересуют наружная «полировка» да букеты-конфеты, то за этим езжай в город. Там таких «мальчиков» со всякими «сюси-пуси» хоть лопатой гребь. А если суть, то тогда заткнись и делай, что должно.

Я медленно подошла, точно боялась спугнуть это видение, и протянула руку, чтобы коснуться кованой крышки. И опять замерла с повисшей в воздухе рукой. На крышке сундука что-то лежало.

Я присела на корточки, чтобы разглядеть как следует, что же это такое. Даже потянулась к фонарю, но вовремя одумалась. Это был нож. Не больше моего охотничьего, в кожаных ножнах с костяной рукоятью. И он точно не был из хранилища прадеда. Вот он — и знак, и послание одновременно. Значит, Ефим помнил...

В том, что это сделал именно он у меня не возникло ни малейшего сомнения. Я прервала поток мыслей, уже повернувший совсем не в то русло.

Осторожно взяла нож в руки и достала его из ножен. Медленно, почти ласково провела пальцами по стальному лезвию.

Сразу почувствовала его энергию. Старый. Не такой древний, как всё, что здесь находилось, но тоже очень старый. По краю лезвия струился вытравленный замысловатый узор. Волк в прыжке.

И тут же ощутила, как на груди нагревается волк-ключ. Приятное тепло разлилось по телу, словно меня опять погладил по голове прадед. А может быть, и не только он.

Где-то наверху раздался тихий скулёрж Аргуса. Это заставило меня немного прийти в себя. Нужно было уходить, причём быстро, если я, конечно, хочу, чтобы всё, как и прежде, оставалось в тайне. А я хочу? Объяснения не было, но ответ был очевиден. Всё, что было нужно, я уже увидела, послание получила. Так что...

Быстро вложила нож в ножны и засунула его за голенище ботинка. Выбралась наружу, задвинула проход и опять заложила всё старым металлом. Придирчиво осмотрела дело рук своих. Увиденным осталась довольна.

Пёс у входа тихонько тявкнул, поторапливая.

Я проворчала:

— Да иду я, иду...

Я уже успела продраться через все заросли, когда с крыльца послышался Зойкин оклик:

— Васька, это ты там?

Я, поравнявшись с крыльцом, на котором стояла сестрица, бурчливо ответила:

— Я... А ты кого ждала?

Зойка недоумённо посмотрела на меня.

— Да никого я не ждала. Вышла Аргуса кормить. Смотрю — машина твоя ещё здесь. Ты же вроде бы на работу торопилась?

Сестра с лёгким подозрительным прищуром уставилась на меня. Вот тут бы мне и рассказать ей и про схрон, и про сундук.

Словно со стороны я услышала собственный голос:

— Мерки с дверей кузницы снимала. Давно пора привести её в порядок. Надо мужикам на пилораме заказать, чтобы досок в размер приготовили.

И, не останавливаясь, быстро направилась к воротам. Аргус кинулся было меня провожать, но с крыльца свистнула Зойка:

— Аргус, ко мне... Иди, кормить тебя буду.

Пёс заметался между мной и Зойкой, жалобно поскуливая. Я тихо проговорила, глядя его по лохматой макушке между ушами:

— Иди, иди... Война войной, а обед по расписанию.

Собака неохотно развернулась и потрусил к крыльцу, беспрестанно оглядываясь. Но вслед мне смотрел не только Аргус. Зойка, уперев руки в бока, тоже провожала меня подозрительным взглядом.

Я завела уазик, подождала минут пять, пока прогреется двигатель, и помчалась к конторе.

При этом ворчала на себя вслух:

— Ну и что ты опять за тайны Мадридского двора затеваешь?! Почему Зойке не рассказала про схрон? И что за блажь на тебя нашла — таиться от сестры? Ну раньше, понятное дело, из-за Славки. А сейчас-то чего? Вроде бы всё уже позади...

И тут же сама себе ответила:

— Вот именно, что «вроде». Вроде Володи, наподобие Кузьмы, блин!

Подъезжая к конторе, порадовалась, что моих бесед с самой собой никто не слышит. Иначе точно бы в психушку отправили.

В конторе ещё никого не было, кроме, конечно, сторожа Акима Гавриловича.

Он, как обычно, встретил меня, выползая из своей сторожки в огромном, до пят, старом полушубке и с древней, как и он сам, берданкой за плечами. Теребя седенькую бородёнку, захихикал:

— Ох, Матвеевна, ранняя птаха. Замуж тебе пора да деток рОстить, тогда бы ты ни свет ни заря на работу не рвалась-то...

Тема эта была известная. Он всегда, только завидев меня, сетовал на моё девичество без ответственности перед семьёй.

Я, как и всегда, почти ритуально отвечала:

— Да где ж жениха-то взять? Один был, да и тот сбежал. Разве ж ты меня когда замуж взять сподобишься? Бабку вот свою прогонишь, тогда и свадьбу сыграем.

Аким Гаврилович усмехнулся в седую бороду.

— Какой таперича из меня жених... Так, рухлядь уже старая.

Заходя в контору, я весело ему подмигнула:

— Ну, рухлядь-то и починить можно...

Он ещё что-то мне ворчал вслед, но я уже не слушала. Залетела в кабинет, включила свет и достала из-за голенища нож. Мне не терпелось как следует его рассмотреть.

Я правильно определила: нож был старый. Но не боевой, скорее охотничий. На полированной от времени костяной рукояти были тоже вырезаны какие-то рунические символы. Я про себя хмыкнула. При моей теперешней жизни знание рун становилось уже не увлечением, а жёсткой необходимостью. Только вот кто меня может научить читать эту грамоту? Я была уверена, что тот же Ставр хорошо в этом разбирался, но мне с трудом он представлялся в роли «учителя». Можно, конечно, съездить в район, в краеведческий музей. Кстати, у Зойки там были неплохие знакомства в виде директора этого самого музея Олега Павловича. Но и тут, я думаю, мне вряд ли бы улыбнулась удача.

Я тяжело вздохнула. Ладно. До сих пор как-то обходилась и ещё потерплю. А там, глядишь, Прасковья вернётся. Уж кто-кто, а она-то точно могла меня научить читать руны. Я осторожно провела пальцами по лезвию, чувствуя почти знакомую, едва пульсирующую его энергию. В том, что его оставил Ефим, я несколько не сомневалась. Но зачем? Напоминание о себе? Знак, что он не забыл обо мне? Или некое предвидение будущего, в котором этот нож сыграет какую-то роль?

Ответов на эти вопросы у меня не было, так что фантазировать я могла сколько угодно, при этом находясь очень далеко от истины.

Я спрятала оружие в ножны и убрала за голенище ботинка. Всему своё время. Но меня что-то продолжало беспокоить. Это было почти как звук одинокого комара в тёмной комнате, когда ты не можешь заснуть. Вроде бы и не кусает, но ты уверен, что стоит тебе только закрыть глаза, как этот кровопийца тут же вопьётся в тебя.

Я разложила на столе бумаги, стараясь сосредоточиться на рабочем процессе. Но у меня из головы не выходили слова Ставра: «Озеро меняется...». Как меняется? Что это для нас значило? Я досадливо хлопнула ладонью по столу и тихо выругалась:

— Твою ж дивизию!.. Опять одни вопросы!

Нет ничего хуже, чем сидеть и гадать: а что это? А как это? А кто это? От этого можно было просто свихнуться! И я знала только одно действенное средство от подобной маяты: пойти и узнать. Но что тогда делать с наказом Прасковьи сидеть «как мыши»? И с «подпевкой» Ставра: «сама не суйся»? Что, что... Да ничего! Они всегда так говорят, работа у них такая! А информацию выдают... Не информация, а слёзы кошачьи. А я тут сиди и тихонько сатаней, так что ли? Ну это вряд ли!

Разумеется, я не собиралась лететь с шашкой наголо. Что называется, не знаешь броду — не лезь в воду. Но этот самый «брод» надо же было как-то узнать. А как узнать, если я буду как «мышь»? То-то и оно. Я решительно поднялась. Надо ехать на озеро и самой понять, что там в нём меняется. Должна же я понимать, что нам ждать от жизни! Причём я не собиралась это сильно афишировать. Я же лесничий, в конце концов! И лес — это моя работа. Так что...

Мне вдруг в голову пришла идея: а почему бы мне не взять с собой Зойку? Когда-то же надо ей выходить «в поле». К тому же я до сих пор чувствовала себя виноватой перед сестрой за то, что не рассказала ей ни про схрон прадеда, ни про его сундук. Да и ей будет полезно

пройтись по лесу, так сказать, на свежем воздухе. А то она в своём городе совсем скоро умом тронется.

Сначала было решила ехать на конюшню за лошадьми. Сестрица, кстати, неплохо держалась в седле когда-то. Думаю, она и до сих пор не растеряла свои навыки. Но потом вспомнила про Ставра с его «сама не суйся». Ещё увяжется или замучает вопросами. А если и не вопросами, то от взгляда серых проницательных глаз конюха было очень трудно что-то укрыть. Нет, я, конечно, могла поставить защиту. Но он её сразу же почувствует и сделает выводы.

В общем... Решила ехать на уазике по просеке, а оттуда пешком напрямки до озера. Но сначала нужно было заехать за Зойкой. Пора было проверить, на что сестрица способна. К тому же мне хотелось ей помочь. Возможно, озеро сделает то, чего не могла ни я, ни сама Зойка. И тогда её жизнь перестанет рваться на куски.

Глава 4

В конторе ещё никого не было. Я на всякий случай заглянула в кабинет помощника лесничего. Увидев разложенные бумаги на столе, фыркнула. Нужно будет приучать молодёжь к порядку. Но не сегодня. Работы у них и без меня на сегодня хватит.

Я вышла на улицу. Горизонт уже серел, и бледно-розовая полоска занимающегося расвета отделяла небо от земли, стирая расплывчатость предутренних сумерек.

Аким Гаврилович сидел на скамейке, прислонившись спиной к дощатой стене, и закручивал самокрутку. Увидев меня, встрепенулся. Я махнула рукой, мол, сиди. Проговорила скороговоркой:

— Молодёжь наша придёт, скажешь, что я в лес уехала отводы проверять. Если что срочное, пусть по радиации выходят. Хорошо?

Старик закивал китайским болванчиком, часто повторяя:

— Оно конечно... Как скажешь. Ты тут начальник...

Голос вроде звучал солидно и уважительно, но в прищуренных, окружённых сеткой морщинок глазах играли лукавые огоньки. Я только головой покачала. Ну что с этим старым пеньком поделаешь? То ему меня замуж срочно выдать надо, то над моей должностью потешается!

Я села в машину и поехала к дому.

Разумеется, первым меня радостно встретил Аргус. Он скакал вокруг меня так, словно мы расстались с ним не менее полугода назад. Я обласкала собаку, немного побеседовав с ним. Пёс остался доволен и улёгся рядом с крыльцом, демонстрируя взглядом свою готовность защищать меня от всяких супостатов до последней капли своей собачьей крови.

Зойка с унылым видом сидела у печи и чистила картошку, старательно складывая очистки на расстеленную газетку. Это нас ещё бабуля приучила. Потом эти очистки мы кидали в печь, чтобы труба не засорялась копотью.

Услышав, как открывается входная дверь, она удивлённо вскинула брови.

— Ты чего так рано? Что-то случилось? — В голосе звучала неподдельная тревога.

Вот же наша жизнь, а? Ведь ничего доброго уже и в голову не приходит, обязательно должно «что-то случиться»!

Я широко улыбнулась и бодро гаркнула:

— Собирайся, сестра! Повезу тебя выгуливать на природу!

В Зойкиных глазах мелькнул испуг. Она продолжала молча вопросительно смотреть на меня, ожидая объяснений.

Я присела рядом с ней на корточки. Осторожно вытащила из её пальцев нож, положила его рядом со шкурками и мягко произнесла:

— Ну ты чего, Заяц? Чего испугалась? Ничего не произошло. Просто мне нужно съездить на озеро. И я решила, почему бы нам этого не сделать вместе. Возможно, там найдутся какие-нибудь ответы на наши бесчисленные вопросы. А если даже и не найдутся, то хоть свежим воздухом подышим да ноги разомнём.

Испуг стал медленно прятаться в уголки глаз, готовый выскочить оттуда, если что... Ох ты, Господи! До чего нас жизнь довела!

Зойка растерянно посмотрела на кастрюлю, бурлившую на печке. Я великодушно махнула рукой.

— Ничего страшного, вернёмся — доварим твой борщ. Собирайся.

Пока Зойка ушла в свою спальню, я извлекла из-за печи мешок с её «походными вещами». Вряд ли в её городском гардеробе за год что-нибудь поменялось. И я была уверена, что резиновых утеплённых сапог с фуфайкой там точно не было.

Как бы то ни было, но уже минут через тридцать мы тряслись с ней по лесной дороге.

Зойка внимательно смотрела по сторонам, будто высматривая врагов. Я попыталась её разговорить и начала болтать о всяких пустяках, типа: «что сейчас носят в городе». Она только один раз посмотрела на меня укоризненно, и я сразу же заткнулась.

И дальше, до самой просеки, мы уже ехали молча. Разговаривать в то время, когда ты продираешься сквозь заросли кустарника и хвойного молодняка, вообще было проблематично. Только один раз, когда мы остановились отдохнуть на небольшой прогалине, сестра задала мне вопрос:

— Васька, а ты уверена, что нам надо идти ТУДА?

Я, жуя в зубах высохшую травинку (кстати, дурацкая привычка, от которой я никак не могла избавиться), пожав плечами, проговорила, не глядя на сестру:

— Не знаю насчёт «надо». Но точно могу тебе сказать насчёт «хочу». — Я посмотрела на неё пристально и с лёгким нажимом произнесла: — Я хочу понять, что же именно происходит. А главное, я хочу определить наше место во всём этом. — И добавила с лёгкой насмешкой: — Не люблю играть вслепую.

Зойка покачала головой и с лёгкой ноткой возмущения спросила:

— А для тебя это что, игра? И только?!

Я улыбнулась широко.

— Зойка, ты меня удивляешь... Классику читать надо. Люди не нам чета смело заявляли: «Что наша жизнь? Игра!» — Увидев, как Зойка нахмурилась, я убрала улыбку с лица и очень серьёзно проговорила: — Я бы сейчас могла начать дискуссию на эту тему, но у нас слишком мало времени. Не знаю почему, но я так чувствую. А если коротко: всё вокруг нас — игра. Только есть игры серьёзные, с далеко идущими последствиями, а есть — так себе. Это примерно как сравнивать игру в шахматы и в подкидного дурачка. — Я поднялась на ноги, отряхивая с брюк прилипший растительный мусор, и закончила уже совсем серьёзно: — И, кстати, если ты возьмёшь этимологию этого слова, то, пользуясь древним языком наших предков, получится, что игра означает «связанное движение к свету».

Зойка от меня отмахнулась.

— Не можешь ты без своих штучек!

Я покачала головой и, притворно надув обиженно губы, пробурчала:

— Сироту обижают, тётенька... Язык предков — это вам не «штучки», а вполне конкретные вибрации и образы.

Зойка ничего не ответила, только вздохнула тяжело и бодро зашагала по тропинке впереди меня, словно хотела побыстрее добраться до места. Максима моих мужиков «раньше сядешь — раньше выйдешь» работала как часы.

Когда мы вышли на то место, где в прошлом году всё случилось, солнце наконец выбралось из плена жемчужной мути облаков и сейчас светило ярко и холодно, освещая землю. Озеро под его лучами блестело, будто серебряная полированная пластина. Ничто не нарушало спокойной гармонии и тишины окружающего мира. Я не чувствовала никакой тяжести или каких-то других подозрительных изменений, о которых говорил Ставр. Озеро как озеро. Такое, каким я его всегда знала.

Мы замерли, любуясь открывшимся видом. Простите, если уж быть совсем точной, то это я любовалась, а Зойка... Она замерла с глазами испуганного зверька, тесно прижав руки к груди и глядя перед собой в одну точку. Да... Воспоминания давались ей тяжело. Нужно было её как-то из этого состояния выводить.

Без особых церемоний я схватила её за руку и поволокла к самому берегу, туда, где серый плоский камень своим острым углом вонзался прямо в гладь озера. Она не сопротивлялась, двигалась за мной, быстро переставляя ноги с возмутительной покорностью. Я подвела её к камню и, указав на него, велела:

— Сейчас доходишь до самого конца камня, приседаешь на корточки и смотришь в воду. Но главное — выкинь из головы все свои страхи и ненужные мысли. Сосредоточься только на том, что видишь в воде. Поняла?

Зойка послушно кивнула головой, а потом вдруг задала мне вопрос:

— А зачем? Что я там должна увидеть?

Я тяжело выдохнула. Ну вот, началось... Что ж... Сама виновата. Не стоило мне расслабляться, обольстившись её показным послушанием.

Проговорила терпеливо:

— Зойка, я не знаю, что ты там увидишь. Даже не представляю. Я просто хочу понять, как мне из двух тебя сделать одну, чтобы тебе в супермаркете волки из-за полок не скалились. Чтобы лечить, нужно понять причину. Если, конечно, есть цель вылечить, а не забить голову всяким мусором. Так понятно?

Сестрица смотрела на меня с недоумением, словно я молола несусветную чушь. Я от досады скрипнула зубами, но постаралась не выходить из себя. Во-первых, для взрыва эмоций место было не совсем подходящим (это, мягко говоря), а во-вторых, этим самым «взрывом» я не добьюсь желаемого результата.

Покладисто кивнула головой.

— Хорошо... Смотри. Ты помнишь, когда мы были маленькими и воровали у бабули из буфета варенье?

Зойка, с подозрительным прищуром глядевшая на меня, неохотно кивнула.

Вдохновившись её кивком, я продолжила:

— Ну так вот... Сейчас же ты не лазаешь тайком в буфет за банкой варенья, так? — И, не дожидаясь её ответа, продолжила: — Ты та, маленькая, и ты сейчас, взрослая, — разные, но, всё равно, и ты тогда, и ты сейчас — один и тот же человек. Так и наше прошлое. То, что было сто лет назад с нашими предками, и то, что происходит сейчас, — всё разное. Но всё это часть нас самих. И в этом нет двойственности! Ты же не паникуешь, когда, скажем, во сне видишь себя маленькой, правильно? Так почему паникуешь, когда видишь далёкое прошлое? Время здесь не имеет значения.

Зойка нахмурилась. Подумала, сосредоточенно глядя на меня, а потом буркнула:

— Ну да... Только я наяву почему-то не вижу себя, лазающую в буфет, а вижу всяких воинов да волков.

Я обрадованно кивнула и махнула рукой.

— Ну вот! А видишь ты волков потому, что не принимаешь того, что видишь, как часть себя самой!

Сестрица, похоже, моей радости не разделяла. Со скептической ухмылкой пробормотала себе под нос:

— Ну что ж... Попробуем. Хуже всё равно уже не будет.

Я это её замечание оставила без комментариев. Во-первых, потому что не хотела больше лишней болтовни и объяснений того, чего сама толком не понимала, а во-вторых, я очень хорошо знала, что быть ещё «хуже» может. Ещё ой как может. Но зачем вводить в ещё большее сомнение человека, который и так уже сомневается.

Ступая на плоский камень так осторожно, словно опасаясь, что он сейчас под ней провалится, Зойка подошла к самому краю. Я последовала за ней. Так, на всякий случай. Мало ли...

Она постояла на кромке, настороженно вглядываясь в воду. В озере отражались быстро бегущие по небу облака. Похоже, эта картина её не особо заинтересовала. Я, будто бесёныш-искуситель, шепнула ей тихонько на ухо:

— Так не увидишь...

Зойка, нахмурившись, покосилась на меня и аккуратно присела на корточки. Я присела рядом с ней. Наконец, собравшись с духом, она, опершись ладошками о шершавый гранит, посмотрела вниз, в тёмную воду, и так на несколько мгновений замерла.

Я терпеливо ждала. Сама в воду не смотрела. Думаю, двоих таких, как мы с сестрицей, даже озеро сразу не выдержит.

Прошло минуты три, не больше, когда я заметила, как всё тело Зойки напряглось, а пальцы почти вцепились в камень. Я замерла, точно сама стала частью этого камня, боясь спугнуть то, что видела сестра. А то, что она что-то видела, в этом я не сомневалась уже ни мгновения.

И вдруг она закричала:

— Нет, нет, нет!.. Закрой!..

Я на несколько мгновений растерялась, впад в ступор. Такого я точно не ожидала. А Зойка вытянула руки с растопыренными пальцами перед собой, словно от кого-то защищаясь, и стала крениться вперёд, как будто собираясь нырнуть в воду. Я еле успела её подхватить и оттащить от самого края. Она стала биться в моих руках, и мне с трудом удавалось её удерживать.

С берега вдруг загремел голос:

— Вы что творите?!

Я быстро обернулась. На берегу стоял Ставр, и вид у него был вовсе не благостный. Серые глаза сверкали гневным светом, руки сжались в кулаки. Но разглядывать его у меня не было времени. Зойка рвалась из моих рук, норовя сигануть в озеро.

Пытаясь удержать сестру, я крикнула:

— Помоги!

Ставр легко соскочил на камень и в один прыжок оказался рядом с нами. Он легко подхватил отбивающуюся Зойку поперёк туловища и потащил её на берег. Я, воспользовавшись моментом, заглянула в воду. Меня словно что-то потянуло туда.

Я стала медленно клониться, пытаюсь разобрать, что же это так меня притягивает. Ничего подобного раньше я не ощущала. Из самой глубины как будто что-то поднималось к поверхности. Манящее, притягательное, то, чему нельзя было противиться.

Я внимательно всматривалась, ожидая увидеть зеленоватое свечение, означавшее близость грани. Но его не было. Только какие-то тёмно-серые всполохи, будто обрисовывающие некий проход. Это было непонятно, необъяснимо и, в то же время, магнетически заманчиво. А ещё — до жути, до холодного пота страшно.

Казалось, что за этим проёмом меня ждёт самый дорогой мой человек, о котором я слыхом не слыхивала, но подсознательно мечтала и ждала всю жизнь.

Но я ещё была не совсем заморочена этим неслышимым зовом. Капля разума у меня ещё оставалась. И эта капля вопила из всех сил: «Не смей!»

С трудом я оторвала взгляд от этого прохода и стала медленно, с трудом преодолевая сопротивление собственного тела, отползать назад. Именно что отползать, а не отходить. На «отходить» у меня не хватало сил. Голова гудела, будто была пустым чугуном, в который какой-то гад лупил куском железа. Я почти ослепла и оглохла от этих звуков. Сквозь этот гул я слышала неясные голоса, шептавшие мне непонятные слова и невнятные призывы.

Очнулась я только на берегу. Упала навзничь, раскинув онемевшие руки, уставившись в небо надо мной. Любой вздох причинял боль. И я дышала поверхностно, словно загнанный борзыми заяц, мелкими глотками проталкивая в себя воздух.

Когда немного отдышалась, повернула голову в сторону. Как там Зойка?

Она тоже лежала на земле с закрытыми глазами, а Ставр стоял над ней на коленях, и в руках у него была небольшая фляжка.

Я едва сумела хрипло выдохнуть:

— Как она?

Ставр сверкнул на меня глазами. Под этим взглядом мне захотелось съёжиться и заползти подальше в какие-нибудь заросли. В голове даже мелькнула мысль: «Сейчас прибьёт...» Но не прибил. Пробурчал сурово, со всем своим обычным «красноречием»:

— Спит. Я её отваром напоил.

Я едва кивнула головой. Как говорится, и на том спасибо. Но я напрасно надеялась, что этим всё дело и закончится.

Он подошёл ко мне, помог сесть и зло выплюнул:

— Куда полезли?! Сказано же было: меняется озеро! А вы тут со своим сунулись! Почто?! Беду накликать хотите?!

Я покосилась на грозного Хранителя. Было понятно, что бить уже не будет. Хотя...

Попыталась оправдаться:

— У Зойки видения. Она с ними не справляется. Должна же я была с этим разобраться?! Тем более ты сам сказал: озеро меняется. А как? Почему? И чего от этих изменений следует ждать? Кто мне ответит? Ты?

И сама же ответила на последний вопрос:

— Это вряд ли. Из тебя клешами слова не вытянешь. Прасковья сгинула в непонятном направлении и по неясной причине. А мне что прикажете делать? Сидеть и ждать, когда непонятно что случится или сестра с ума свихнётся?!

Я постепенно стала расходиться и уже сыпала своими вопросами, не обращая внимания на сурово сдвинутые брови Ставра. Наконец я выдохлась. Что толку? Он мне всё равно ничего нового не скажет и на мои вопросы не ответит. Так, просто душу, можно сказать, себе облегчила. Правда, я с таким же успехом могла всё это выговаривать какой-нибудь ёлке! Но, к моему удивлению, он вдруг проворчал:

— Я сам не знаю, что происходит. Такое здесь впервые. Я и от деда своего не слышал чего-нибудь подобного.

Он тяжело вздохнул.

— Ладно, чего там... Я уж твой характер знаю. Ты девка бедовая, но свой край всегда знала.

Он перевёл взгляд на озеро. Зеркальная гладь утратила своё невозмутимое спокойствие, и сейчас по воде бежала лёгкая рябь, хотя ветра, вроде бы, не было.

Произнёс задумчиво, ни к кому не обращаясь:

— Эх, матушка Прасковья... Знатьё бы загодя... Так и соломки бы подстелили. А теперь что?..

Потом перевёл взгляд на меня и сурово добавил:

— Не суйся более. Озеро само знак подаст, только вот его увидеть не каждый сможет.

Я только головой покачала.

— Ставр Фёдорович... Не могу же я здесь, на берегу, поселиться и ждать этого самого «знака»?!

Зойка в этот момент завозилась на земле и слабо застонала. А я вдруг поняла, что нужно делать. Решительно поднялась на ноги... Угу... решительная ты наша! Ноги подрагивали, головка подёргивалась и глазик подмаргивал, блин! Меня мотануло в сторону так, что Ставр едва успел меня за полу бушлата поймать, а то бы скатилась я вниз, напрямиком в озеро.

Вновь обретя относительную устойчивость, я проговорила:

— Вот что, Ставр Фёдорович... Я знаю, что делать. Я, пожалуй, Зойку в город увезу, да и сама на недельку задержусь.

И добавила расплывчато:

— А там видно будет...

Ставр, склонив голову набок, протянул:

— А что... Пожалуй, так-то оно вернее будет.

А мне вдруг сделалось стыдно.

Вроде бы я, радея об общей пользе дела, а заодно и о состоянии сестры, приняла такое «мужественное» решение. А на самом деле? Не давал мне покоя тот нищий с молодыми глазами, о котором мне рассказала сестрица. Но признаваться в этом даже себе мне упорно не хотелось.

Ставр тем временем легко, почти играючи, поднял Зойку на руки и произнёс своим обычным ворчливым тоном:

— Айда... Я тебя до машины провожу. А то сестрица твоя до самого дома не проснётся. А как в себя придёт, ты уж за ней присмотри.

Я согласно кивнула и посеменила за ним, радуясь, глядя в его широкую спину, что мне не придётся стыдливо прятать взгляд от его пристальных серых глаз. А с собой... С собой я как-нибудь разберусь.

Глава 5

Домой мы добрались уже ближе к вечеру. Уже въезжая в деревню, я не удержала машину, и уазик сполз в колею. Точнее, не сполз, а прыгнул. Резво так, с подскоком. Позади меня послышался глухой звук удара и задорное: «Твою маму, Васька!!!», а затем возмущённое: «Поаккуратнее-то нельзя?!» Я скосила взгляд через плечо. Зойка выбиралась из тесного промежутка между сиденьями и потирала ушибленный локоть. Я покаянно попросила:

— Прости, пожалуйста... — И добавила заботливо-традиционное: — Как ты?

Зойка хмыкнула и сердито пробурчала:

— Как после асфальтного катка...

Комментировать её слова я не стала. Вести машину по разлезшейся липкой грязью дороге и одновременно вести серьёзные разговоры я была не в состоянии. Сестрицу тоже на болтовню, судя по всему, не тянуло.

От машины к дому она шла слегка пошатываясь, будто после длительного плавания только что сошла на берег. Дома вид нашинкованной капусты, так и оставшейся лежать на столе, и почерневшей без воды картошки наводил уныние. Зойка от такой картины поморщилась, но ничего не сказала. Плюхнулась на лавку и принялась бороться со своими сапогами, не желавшими сниматься с ног.

Я быстро подбросила в печь несколько поленьев. Берёзовая кора сразу же принялась потрескивать, чернеть, исходя горьковатым дымком. Капусту сгребла в тазик, картошку вместе со шкурками завернула в газету и положила рядом с топкой. Бухнула чайник на плиту. Есть не хотелось, а вот от чая я бы точно не отказалась.

Пока я так хлопотала по дому, сестрица наконец разделась-разулась и пошлёпала мыть руки. Координация у неё была ещё не очень. Я сочувственно предложила:

— Может, ляжешь?

Она только сердито сверкнула на меня зелёными глазищами, но ничего не ответила. Я пожала плечами. Наше дело предложить, ваше — отказаться. Настроение было хуже некуда. Наверняка она сейчас начнёт приставать ко мне с вопросами. А что я могу ей ответить, если сама пока ничего толком не понимала? К слову говоря, и у меня имелись свои вопросы к Зойке.

Чайник закипел. Из-под печи вылез Агроном и недовольно мяукнул. Точнее, не мяукнул, а заорал, словно его режут. Зойка вдруг принялась сюсюкать:

— Ах ты бедненький мой... Сиротинушка. Уехали и не покормили котика. Сейчас я тебе вкусняшек дам... — И она поплелась к буфету, где лежали залежи новомодного кошачьего корма.

Я неодобрительно пробурчала:

— Совсем мне кота испортила... А мышей кто ловить будет, я?

Сестрица неодобрительно глянула на меня и отрезала:

— Мы в ответе за тех, кого приручили!

Я фыркнула:

— Так а я о чём? Коты должны ловить мышей, собаки — сторожить хозяйское добро. А ты Агронома на наркотик подсадила. У него теперь привыкание, от которого фиг отучишь!

Зойка с Агрономом на пару сделали вид, что меня не услышали. Мне даже показалось, что таким нехитрым способом сестрица оттягивает момент, когда нужно было начинать серьёзный разговор.

Я быстро накрыла на стол, разлила чай по чашкам и позвала сестру:

— Пойдём чай пить. Хватит тебе уже с котом возиться. А то ты уедешь, а он меня тут своими капризами изведёт.

Зойка что-то ещё сюсюкнула коту, типа: «Злая хозяйка, ты её не слушай, хороший котик», и нехотя пошла к столу. Села на лавку, пододвинула к себе чашку с чаем и, покосившись на меня, пробормотала:

— Надеюсь, ты тут никакого зелья мне не подмешала? С меня хватило и того, что твой Ставр в меня влил. Чувствую себя как после хорошей гулянки, в голове до сих пор треск стоит...

Я ей ничего не ответила, просто уставилась вопросительно. Зойка глаз на меня не поднимала, но взгляд мой чувствовала, потому что стала елозить на лавке, делая вид, что никак не может усесться поудобнее. Я потерпела минуты три, а потом не выдержала. Строго проговорила:

— Ну хватит! Рассказывай, что ты ТАМ увидела?

Сестра кинула на меня быстрый испуганный взгляд и опять уставилась в чашку, будто там и был ответ на все вопросы. Потом неохотно проговорила:

— Да я и не помню почти нифига. В озере твоём я толком ничего не увидела. Только помню, что как будто стала открываться какая-то дверь. — У неё вдруг осёкся голос, и она прошептала, глядя прямо перед собой: — Васька, меня кто-то звал. Настойчиво так. А я чувствовала, что стоит мне только сделать шаг, и возврата уже не будет. Мне так было страшно... Я почти видела, как из этой двери ко мне что-то такое тянется, словно хочет меня схватить и утащить за эту самую дверь. — Она внезапно замолчала. Взгляд у неё сделался каким-то отсутствующим. Казалось, она опять там, у озера, заново переживает всё это. У меня сжалось сердце при взгляде на её мучительную безысходность. Словно во сне, Зойка прошептала: — Я хотела закрыть эту дверь. Я могла бы, но у меня не хватило храбрости, понимаешь? — Она выдохнула, будто надутый шарик, в котором проделали дырку.

А потом, словно внезапно очнувшись, вдруг схватила свою чашку и сделала несколько судорожных торопливых глотков. Я порадовалась, что, благо, чай уже немного подостыл, иначе бы она непременно обожглась. Руки у неё нервно подрагивали. Заметив это, она резко поставила чашку обратно на стол так, что немного коричневатой жидкости выплеснулось на деревянную поверхность стола. Зойка с каким-то страхом смотрела на небольшую растекающуюся лужицу, а потом, подняв на меня взгляд, в котором застыла мука, шёпотом спросила:

— Васька, что со мной происходит, а? — Она затрясла головой и отчаянно воскликнула: — Я не хочу...! Не хочу...! — Потом резко наклонилась вперёд, приблизив ко мне лицо, и зашептала настойчиво: — Васька! Эту дверь нужно закрыть, понимаешь?! Я знаю, вместе мы сможем. Ты же уже ходила ТУДА и вернулась. А вместе...

Я её прервала, проговорив строго:

— Зойка! Успокойся! Не мы ту дверь открывали, не нам её и закрывать! А для начала надо во всём как следует разобраться. В этот раз не вышло. Может, не с того начала я. Ставр — он знает и умеет больше нашего. Уже несколько поколений его предков были Хранителями этого озера. Тем более ты ведь сама мне передала послание от Прасковьи, мол, сидите тихо. А я, дура, не послушала. Видите ли, сама хотела во всём разобраться! Чуть беды не натворили. И вообще... Лучше нам сейчас держаться от этого места подальше. — Я немного поразмазывала пальцем лужицу чая по столу, а потом решительно произнесла: — Вот что... Тебе нужно возвращаться в город, а я с тобой поеду. Я уже три года в отпуске не была. Тем более у меня тут молодые специалисты появились. Справятся пару недель без меня. Если что, мужики помогут. Мне тоже не мешало бы отдохнуть от всех местных «чудес». — И продолжила с непонятно откуда взявшимся энтузиазмом: — Сходим с тобой в театр, на концерт. Сто лет в филармонии не была уже.

Зойка недоверчиво посмотрела на меня, а потом настороженно спросила:

— Васька, ты правда хочешь поехать со мной?

Я изобразила на лице нарочитое удивление и с преувеличенным воодушевлением ответила:

— Ну, конечно, правда!

Недоверие в глазах Зойки стало пропадать. Я продолжала смотреть на неё честными глазами, и она наконец выдохнула:

— Ой, как здорово! Я сама хотела тебя просить поехать со мной хоть на пару деньков. Но боялась, что ты не согласишься. У тебя же работа, да и хозяйство...

Я отмахнулась от неё.

— Какое там хозяйство! Попрошу кого-нибудь из местных, ну хоть того же Веньку, присмотреть за домом и за скотинкой. Его Аргус любит. Представь, как будет здорово: мы с тобой будем на всякие концерты ходить! — продолжала я заговаривать ей зубы.

И Зойка совсем расслабилась. Закивала головой.

— Конечно, здорово! А то мне уже ехать обратно надо. У меня Славка похлеще твоего Аргуса. Ни обед сам не приготовит, ни носки свои без меня не найдёт. А тут ещё в какую-то секту ввязался... Мало мне всех проблем, так ещё и это!

Я насторожилась.

— В какую секту?

Сестрица легкомысленно отмахнулась:

— Ой, да это я так называю. Сейчас же знаешь, в городе всяких «учителей» развелось как собак нерезаных. — Я продолжала настороженно смотреть на сестру. Она смешно сморщила свой красивый носик и продекларировала: — Ну что-то типа: «Мы научим вас жить правильно». Или ещё вот: «Как стать успешным».

Звучало вроде бы не страшно, но какой-то червячок тревоги завозился у меня внутри.

Мы ещё немного посидели за столом, а потом я отправила Зойку в постель. Выглядела она не очень. Перед самым её уходом я незаметненько всё-таки плеснула ей в чашку лёгкого успокаивающего средства. При этом мысленно хмыкнула. Выходит, права была сестрица, когда опасалась, что я могу ей подмешать какого-нибудь зелья. Но это было ей на благо. Нужно было, чтобы Зойка как следует выпалась.

Сама же я, убедившись, что сестра уснула, поехала к Веньке. Нужно было предупредить его о том, что я уезжаю, а заодно и отвезти моё заявление на недельный отпуск. Утром он передаст его новому помощнику. А директору лесхоза я планировала позвонить уже из города. Поставить его, так сказать, перед фактом. Не думаю, что он стал бы возражать. План лесничество выполняло, никаких авралов или нестандартных ситуаций у нас вроде бы не предвиделось, да и пожароопасный период давно миновал. Так что... К тому же завтра была суббота, а за ней воскресенье. В общем, подумать у директора до понедельника время было.

Венька жил в маленькой домушке на самом краю деревни, доставшейся ему в наследство от отцовской родни. Не то деда, не то тётки. Особо в наследственные дела парня я не вникала. Мою просьбу он воспринял со спокойной готовностью и уверил меня, что всё будет в порядке. Я даже предложила ему пожить в моём доме до моего возвращения, тем более что и до работы от меня ему добираться было намного ближе, да и у самого Веньки хозяйства, требующего присмотра, не наблюдалось.

В общем, мы обо всём с ним договорились. Отдавая дань вежливости и гостеприимству, он пригласил меня попить чаю, но без особой настойчивости. Я, как положено, поблагодарила и, сославшись на занятость, отправилась восвояси. Чувствовала я себя ничуть не лучше сестрицы и, приехав домой, сразу завалилась спать.

Опять мне снился густой туман и волчий вой, звучавший словно издалека. Проснулась я с колотящимся сердцем, прислушиваясь к ночным звукам. Ничего необычного не услышала. За печкой свиркал сверчок, на стене тихо тикали ходики, отсчитывая время. За окном поднялся ветер. Ставни на окнах тихонько поскрипывали от его порывов. Кажется, погода портилась.

Впрочем, слово «портилась» в это время года в наших местах совершенно ничего не значило. Она тут у нас «портиться» начинала с осени и до поздней весны.

Повозилась немного на скрипучем панцирном матрасе, посетовав, что сама не выпила того же зелья, что споила сестре. Хотела подняться и исправить упущение, но стало лениво. Лежала в кровати и бездумно смотрела в окно. В свете тусклой лампочки над крыльцом метались тени от взбудораженных порывами ветра голых ветвей берёзы. Я смотрела, не отрываясь, на эти мечущиеся странные тени, напоминающие фантастических существ, и как-то незаметно для себя уснула.

Что мне снилось потом, не помнила. Проснулась по заведённой привычке рано. Быстро сбегала на двор, облилась колодезной водой и принялась готовить завтрак. На кастрюле с недоваренным борщом оставила записку для Веньки: «Если хочешь — довари, продукты в холодильнике. А нет — отдай Аргусу». Собрала кое-какие вещи в дорогу, попутно успела засунуть в печь сметанные калачики. Осталось только дожидаться Зойкиного пробуждения. Лучше, конечно, было бы выехать пораньше — дорога-то предстояла неблизкая, но будить сестру не хотелось.

Сестрица выползла на запах допекающихся в печи калачей. Заспанная, растрёпанная. Повела носом, очень напоминая мне картину из нашего с ней детства, и протянула:

— Чем это таким вкусным пахнет?

Я усмехнулась:

— Калачами на сметане. Помнишь, бабуля нам их частенько пекла?

Зойка радостно кивнула.

— Ну ты, Васька, меня балуешь... С какой радости?

Я улыбнулась:

— В отпуск с тобой отбываю. Я вчера Веньку попросила, он тут поживёт, пока я в городе по концертам да театрам с тобой шастать буду...

Сказала последнюю фразу и замолчала. Что-то мне подсказывало, что «шастать» я буду совсем по другим местам. Но Зойка этой моей паузы вроде бы не заметила. Бодро прошлёпала к умывальнику. А я принялась накрывать на стол.

Погрузив в багажник машины банки с соленьями-вареньями, через час мы уже были готовы выехать. Зойка накормила моё зверьё, буркнув на мой вопросительный взгляд:

— Пока твой Венька явится, тут все с голодухи опухнут.

Я не спорила. Всё верно. Ну, «с голодухи», конечно, не «опухнут», но без завтрака могут остаться. Венька наверняка придёт только после обеда.

За руль «Нивы» я села сама, объяснив, что по нашему бездорожью у меня опыта в вождении намного больше и, соответственно, доберёмся до города мы намного быстрее. Зойка спорить не стала и, кажется, даже осталась довольна таким моим решением.

Но каким бы я «асом по бездорожью» ни была, в город мы въехали уже ближе к вечеру. Перед тем как ехать к Зойкиному дому, по её настоянию сначала заехали на мойку. Я не спорила, знала, что в таком виде мы на машине доедем только до первого поста ГАИ. На въезде в город нас, конечно, пропустили, с пониманием отнесясь к моему объяснению, что «в тайге моек нет», а вот дальше... Ну, в общем... Зато я наконец увидела, какого же цвета на самом деле была машина сестрицы. Приятного кирпичного цвета.

Славик был дома, но куда-то собирался. При виде меня особой радости не высказал, буркнув в дверях скупое:

— Привет.

И тут я была вынуждена согласиться с сестрой. Славка изменился. Очень. Прежний, которого я знала «до», кинулся бы меня обнимать и тискать, радостно возвещая, как он рад, что я наконец-то... Ну и прочее в том же духе. А этот... Зойка посмотрела на меня со значением, мол, видишь теперь сама, каким он стал. Я видела. И то, что я видела, мне не нравилось.

Сестрица, стараясь быть внимательной к мужу, спросила:

— А ты куда собрался на ночь глядя? Васька вот приехала. Я думала, мы посидим за столом, поболтаем. Мы Васькиной клюквенки привезли и всяких там огурцов-помидоров...

Голос у неё звучал почти умоляюще. Славка хмуро окинул нас взглядом и пробурчал:

— Без меня посидите. У меня дела. Важные...

И вышел, хлопнув дверью.

Я ещё была в коридоре, снимала куртку. Разуться даже не успела. Раздумывала не дольше секунды. Сунула Зойке в руку ключи от машины, схватила свой рюкзачок с деньгами и документами и, бросив сестре на ходу: «Ты тут давай сама...», рванула следом.

Зойка только успела мяукнуть:

— А вещи из машины...

Я, отмахнувшись от неё, прошипела:

— Тс-с... Потом, потом...

И выскочила на лестничную площадку, опять натягивая на ходу куртку.

Если бы кто у меня в тот момент спросил, почему я так поступила, я бы не смогла дать внятного ответа. Это было сродни инстинкту, когда гончая кидается на любое движение в кустах. Нет, разумеется, я не хочу себя сравнивать с охотничьей собакой. Но чувствовала я в тот момент что-то очень похожее на то, как пёс берёт след.

Я осторожно выглянула из подъезда. Погода была отвратительная: начал моросить мелкий, похожий на снег, дождик, холодный ветер трепал остатки листьев на деревьях. Самое то для скрытной слежки. Я, по-прежнему, даже и не пыталась ничего объяснять, просто старалась не выпускать из вида чуть ссутулившуюся спину Славки в коричневой куртке с поднятым воротником. Правда, мелькнула у меня мысль, что напрасно я ключи от машины отдала Зойке. А если Славка сейчас возьмёт такси? Но, вовремя вспомнив, что наши мысли материальны, запретила себе об этом думать.

Славка шёл быстрым шагом по улице, засунув руки в карманы. Он не оглядывался, но я всё же особо не расслаблялась, соблюдая все возможные правила слежки, которые помнила из всяких шпионских фильмов. Кстати, могла бы этого и не делать.

Мы прошли таким порядком метров пятьсот, а затем Славка резко повернул за угол в арку дома. Я прибавила шагу, почти перейдя на бег трусцой. Было бы обидно потерять его из вида в самый последний момент. Из-за угла сразу выскакивать не стала. Присела, делая вид, что завязываю шнурки (хотя до меня, кажется, никому не было никакого дела), и осторожно выглянула. И вовремя.

В это время объект моей слежки зашёл в двери здания, стоявшего внутри двора. То ли бывший детский садик, то ли ещё что-то подобное. Одноэтажное строение из бетона с широкими окнами, завешанными жалюзи, призывно мерцало огнями. Над крыльцом стеклянный колпак, похожий на тамбур. Над дверью табличка, какие вешают на всяких официальных конторах. Что на ней написано, разглядеть мне со своего места не удавалось.

На несколько мгновений я растерялась. И что дальше? Но духом падать не спешила. Завернула во двор и укрылась под козырьком ближайшего подъезда. Лампочка в плафоне над дверью была выкручена, и я порадовалась бесхозяйственности местного ЖЭКа. Для жильцов этого подъезда такое положение дел было не очень, а вот для меня в данной ситуации — в самый раз.

Я стала наблюдать за домом, в котором скрылся Славка. Изредка туда входили какие-то люди. Насколько я могла заметить, никакой пропускной системы там не было. Выждав ещё минут пятнадцать, я решила рискнуть. Люди-то идут. А я чем хуже?

«Расчесав» пятернёй волосы, надеясь, что не выгляжу чучундрой, и придав своему лицу серьёзно-сосредоточенное выражение, я направилась к этому таинственному дому. Подойдя

ближе, я прочла на табличке: «ООО „Ластик“». Хмыкнула про себя. Странное название. Но время сейчас было такое, что подобное название не было чем-то из ряда вон выходящим.

Сделав глубокий вдох-выдох, будто собираясь нырнуть в воду, я потянула кованую ручку массивной двери на себя. В конце концов, ну не убьют же меня там! Самое страшное, что может случиться, — выставят вон. Ну и ладно! От меня не убудет.

Я решительно перешагнула через порог и на минуту замерла. Было такое ощущение, словно я из промозглого холодного города шагнула в райский сад на другом конце земли. Это был большой холл, уставленный кадками, горшками и ящиками, в которых росли тропические растения. Пальмы, лианы, орхидеи. Как ни странно, но это нагромождение растений не вызывало раздражения. Под ними кое-где стояли небольшие скамеечки для отдыха. В воздухе витал слабый аромат цветов, от которого у меня с непривычки немного начала кружиться голова.

На стене, прямо перед входом, висел огромный баннер-плакат: блестящая машина «Мерседес» ярко-красного цвета, на капот которой опиралась красотка с выдающимся бюстом в шортиках и с зазывной улыбкой. Фоном для девицы служила полоска моря с пальмами (опять пальмы) и очертания виллы, больше похожей на дворец какого-нибудь эмира. Через весь плакат шла броская надпись золотисто-красными буквами: «Вместе мы воплотим твою мечту в жизнь!» Я хмыкнула. Ну у них и мечты!

Между кадок с растениями ходили люди небольшими группками и о чём-то тихо переговаривались. Тихонько играла какая-то успокаивающая музыка, которая у меня вызывала вместо успокоения только раздражение. На некоторых так действует звук гвоздя по стеклу. Я постаралась «отключить» этот звук. Обычно для меня подобное «отключение» не составляло проблемы. Тут же мне пришлось чутка напрячься, чтобы совсем «не слышать» этой странной мелодии, въедающейся прямо в мозг.

В конце этого тропического рая были видны широко распахнутые двустворчатые двери, в которые входили люди. Славика нигде не было видно, и это меня слегка напрягало. Не хватало ещё столкнуться здесь с ним нос к носу.

Я так увлеклась созерцанием всего этого «чуда», что чуть не подпрыгнула на месте, когда до моего плеча дотронулась чья-то рука. Резко оглянулась и увидела миловидную девушку в белом платье (а в каком же ещё в таком-то месте!). Высоко забранные волосы, наивные глазки, полкило макияжа и тягучий терпкий запах духов, от которого у меня к горлу подкатывала тошнота. Она стояла, склонив чуть голову набок, и виновато мне улыбалась.

А за ней, стараясь не особо светиться, стояли в небрежных позах два паренька в белых рубашках и тёмных брюках. Не из серии «громилы». Из другой, более опасной и непредсказуемой категории. Стройные, худощавые и гибкие, как гимнасты или акробаты. Но, как по мне, так уж лучше бы это были «громилы» с мозгом динозавра. Впрочем, зря я так зверушку обидела.

Девушка чуть шире раздвинула губки и пропела:

— Простите... Я, кажется, вас напугала?

Я быстро привела выражение лица в соответствующее «милое» состояние и несколько сконфуженно ответила:

— Ничего, ничего. Просто засмотрелась на ваш диковинный сад...

Девушка улыбнулась ещё шире, так, что стали видны ровные белые зубки — отличная работа стоматолога.

— Вы у нас впервые?

Я просто кивнула, и тут же почувствовала лёгкое касание к своему сознанию. Будто, кто-то тихонько постучал в «окошко» и спросил: «Ты кто?» Моё чутьё моментально среагировало. В ухо, словно прошептали: «Расслабься...» Я и расслабилась. Только немного на свой манер. Закрыв глубинную память, мысленно представила дорогу, по которой мы ехали, грязную машину, мелькающие за окном ели, оставив на поверхности одну лишь мысль: «наконец-то я в отпуске!». Касание почти тут же исчезло. Как будто тот, кто заглядывал, увидел достаточно

для себя. Но подобные вещи, как и та пресловутая палка, имеют два конца. Тот кто прощупывал, в это время открыл свой канал и я смогла «прочесть» в его сознании довольно, чтобы не опасаться очень сильно, но, в то же время, держать ушки на макушке. К тому же, я уяснила для себя, что в данной ситуации мне следовало реже раскрывать рот.

«Нимфа» заботливо прочирикала:

— Вы по рекомендации или по приглашению?

Момент был опасный. Если ответу неправильно, то меня выпрут. И хорошо, если без особых последствий. Про приглашение нужно было сразу забыть. В такой «конторе» их наверняка печатают на гербовой бумаге с золотыми вензелями по краям. Такового у меня не имелось. Значит, оставалась рекомендация.

Не знаю, из каких дальних уголков моей памяти, не иначе как с перепугу, всплыло имя. Больше не раздумывая и мысленно зажмурившись, я уверенно проговорила:

— Я по рекомендации Холмогорова Вельямина Петровича.

И, чтобы уж совсем не было пути назад, мило, но не вызывая улыбку.

Этот самый Холмогоров был тем самым «научным сотрудником», работающим на отступников, который, втёршись в доверие к сестрице, выпытал у неё про нашего прадеда и проник в её дом. И даже, по словам Зойки, имел «приятное общение» со Славиком.

У девицы брови поползли вверх, а пареньки за её спиной как-то сразу подобрались. Я с тоской подумала, что вот сейчас...

Но она быстро взяла себя в руки и мило прошептала:

— Позвольте, я вас провожу в гардеробную, а потом в зал. Заседание уже через несколько минут начнётся.

Я «позволила». Меня окружили заботой и вниманием, от которых у меня начало сводить челюсти. Нужно было как-то избавиться от столь истового усердия этой барышни-администратора, или кем тут она служила. Но я надеялась, что в зале она от меня отстанет. Хотя было у меня подозрение, что эта забота вызвана не столько трепетным отношением к моей особе со столь значимой рекомендацией, сколько желанием держать меня под бдительным контролем. Впрочем, я могла и ошибаться.

Меня проводили до дверей, предложили «располагаться» и тут же испарились, словно их и не было. Я с некоторым облегчением выдохнула. Но уже безо всякой интуиции было понятно, что я очередной раз куда-то встряла.

В зале я не стала проходить в передние ряды. Сначала встала в сторонке, чтобы не путаться под ногами у людей, и осмотрелась. Ряды кресел, как в старом советском кинотеатре, и небольшая сцена-подиум, на которой стояли три кресла из массивного дерева и небольшой столик с какими-то папками. В отличие от холла, здесь всё было попроще и напоминало декорацию к дешёвому представлению.

Я стала высматривать Славку. Обнаружила его в первых рядах благодаря его синему свитеру. Кстати, это я дарила ему этот свитер к какому-то не то празднику, не то ко дню рождения. Он что-то серьёзно обсуждал с импозантным мужчиной с шикарной седой шевелюрой, сидевшим рядом с ним.

Я стала мучительно вспоминать, давала ли Зойка описание того самого Холмогорова, чьим именем я так удачно (а может, и наоборот, неудачно, фиг его знает!) воспользовалась. Ничего не припомнила, кроме определения «импозантный». Так что с моей-то «удачей» было весьма вероятно, что это он и был. Значит, мне нельзя попадаться ему на глаза. Хотя мы с ним ни разу не встречались, мне почему-то казалось, что он меня сразу узнает. Среди отступников обо мне, как я думаю, ходила вполне определённая «слава».

Я высмотрела на последних рядах неприметное местечко и забила в уголок. Долго сидеть я здесь не планировала. Послушаю минут пять-десять, в чём, так сказать, суть этого мероприятия, и смотаюсь.

Ждать пришлось недолго. Свет длинных светильников, расположенных под потолком по периметру зала, стал медленно гаснуть, пока зал не погрузился в полумрак. А вот кресла на сцене напротив озарились ярким светом. Гул голосов в зале сразу заглох, и наступила тишина.

Я не увидела, по какому сигналу все вдруг поднялись. Торопливо встала вместе со всеми, стараясь не выпускать из поля зрения ни Славку, ни его подозрительного собеседника.

Откуда-то сбоку на сцену поднялись две женщины в белых длинных платьях. Лиц их я не разглядела, впрочем, не особо и старалась. Они замерли у кресел по бокам, и тут на сцену поднялся тот, с кем Славик так увлечённо беседовал.

Вот чёрт! Кажется, это и был тот самый Холмогоров! Теперь стало понятно удивление девицы в холле, когда я назвала его фамилию. Если он тут у них какой-то «гуру», то я, конечно, с «рекомендацией» от него погорячилась.

Тем временем дядька встал напротив центрального кресла, женщины подали ему руки. И тут они запели. В смысле все запели хором. Слов этой, с позволения сказать, песни я точно не запомнила. Что-то типа: «Мы вместе осуществим ваши мечты. Отриньте старое и шагните в новый мир без груза прошлого».

Звук заунывной мелодии вызывал у меня внутри какую-то неприятную вибрацию. Меня замутило. Пользуясь тем, что на меня никто не обращает внимания, я стала тихонько выбираться к выходу, очень надеясь, что в этих тропических зарослях меня не ждёт засада в лице тех гибких пареньков, которые сопровождали девушку-администратора.

Глава 6

Пользуясь тем, что все были увлечены пением гимна (по-другому я эти песнопения назвать не могла), я приоткрыла дверь ровно настолько, чтобы только протиснуться наружу. У самого выхода стояла та самая троица, что встречала и меня. Я их быстренько окрестила «привратниками». Простенько и понятно. Мысленно благословив того, кто создавал этот «сад», я юркнула за ближайшую бочку не то с пальмой, не то ещё с каким-то южным дивом. Притаилась и стала наблюдать.

Заунывная мелодия, приглушённая закрытыми дверями, всё ещё звучала. Но она уже не причиняла мне такого беспокойства, или, точнее сказать, меня уже так не мучило, как в зале. И это радовало. К тому же становилось понятно, что эта, с позволения сказать, песня действовала на людей как лёгкий гипноз.

Я про себя хмыкнула: ну, умельцы, блин! Пачками людей зомбируют, и никому дела нет! Хотя в большом городе попробуй за всеми уследить. Да ещё это дурацкое название — «Ластик»! Интересно, у кого такая извращённая фантазия? Хотя чего это я? Не зная всей сути, сразу в критику кинулась.

Ладно... Сейчас мне было не до особых раздумий. Нужно было как-то выбираться отсюда, пока и меня тут вместе со всеми не накрыло. В первый момент мне пришло в голову, что я могу от всего этого закрыться. Но тут же подумала, что это будет сродни плакату с надписью: «Посмотрите! Это я!» Уж коли им ума хватает на подобные фокусы, то и о своей защите они, наверняка, позаботились. Конечно, может, я слегка сгущаю краски, но... В общем, тут опять был девиз, что лучше перебдеть, чем недобдеть. А обжёгшись однажды на «молоке», поневоле начнёшь дуть на воду. Да и к тому же обнаруживать себя у меня не было никакого желания.

Но тут нарисовалась парочка трудностей. Во-первых, прошмыгнуть незамеченной мимо «привратников» вряд ли удастся, а во-вторых, моя куртка была в гардеробе. Не то чтобы я опасалась замёрзнуть по пути домой, но оставлять свои вещи в этом логове мне не хотелось. Я ведь не знала, на что эти граждане были ещё способны. И мне пока ничего другого не оставалось, как, прикинувшись каким-нибудь кустиком, продолжить своё наблюдение за дверью.

А народ продолжал прибывать. Правда, не так кучно, как было до этого. Так, один-два человека. И всех встречала эта троица. Кого провожала до гардероба, кому тепло, по-домашнему улыбалась и говорила пару-тройку фраз. Но чувствовалось, что вновь прибывшие были уже не новичками в этом месте.

Прошло ещё несколько минут, и из-за двери, ведущей в общий зал, уже не раздавалось никакого пения. Девушка кивнула своим «рыцарям», и те заперли дверь! Вот чёрт!

Я чуть не выругалась сквозь зубы, но вовремя зажала себе рот. Ну вот, что называется, допрыгалась! И куртку не взять, и из помещения не выйти! Из своего укрытия я прекрасно видела, как из гардероба вышла пожилая женщина и вместе с «привратниками» дружно двинулась в зал.

И тут у меня в голове возник новый план. Я не думала, что гардероб в таком месте закрывают на сейфовые двери. Да и чёрный ход в таком помещении наверняка имелся. В общем, духом я не падала, а выбраться отсюда мне захотелось с удвоенной силой.

Я высунулась из-за кадки и внимательно осмотрелась. Так, похоже, все удалились, и даже гардеробщица. Возможно, сейчас их главный «гуру» толкает речь, и пропускать её не позволено никому? Неважно. Главное — путь до гардероба был свободен. Изображая из себя индейца в дозоре, я короткими перебежками пересекла холл и юркнула в небольшой коридор, из которого вела дверь в гардероб.

Тут меня ждала удача. Никаких тебе сейфовых дверей, как и запоров. Обычная щеколда. Конечно, кого бояться в «родном доме», когда все вокруг свои и с промытыми мозгами! Я осторожно отодвинула задвижку и юркнула в помещение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.